

Отражение в зеркале

Полгода или даже больше раз за разом вызывать сенсации, не сходить с первых страниц газет, порождать лавину публикаций, давать пищу для ожесточенных дискуссий, в ходе которых высказываются прямо противоположные точки зрения, заставляя все вновь и вновь переосмысливать – наверное, абсолютный рекорд. Он принадлежит стихийному восстанию греков против постмодернистского порядка, установившегося в интегрирующейся Европе, и тому, как спокойно, надменно и презрительно оно было подавлено. Давайте вместе с экспертным сообществом хотя бы в первом приближении поразмышляем над выдвигаемыми объяснениями.

Любовь к самобичеванию и уздечка для свободы слова

Иногда хочется «снять шляпу» перед французскими журналистами. У них так здорово получается хлестать. Развенчивать. Резать «правду-матку». Когда это касается других, естественно. Читаешь, и остается только причмокивать и поддакивать.

Вот и то, до чего в нашей матушке-Европе дело дошло, они живописуют так ярко, так образно, что впору за голову хвататься. Кричать: «Хватит. Остановитесь. Надо что-то делать. Так не может больше продолжаться».

Судите сами. «Греческий кризис, повсеместное распространение джихадизма, надзор за всеми и всем, миграционная драма, разломы внутри Франции: куда не посмотри, вблизи себя или чуть подальше, давно мир не казался столь прохудившимся и неопределенным, как нынче, – припечатывает к позорному столбу окружающую нас действительность директор известнейшей французской газеты «Монд» Жером Феноглио: его только что избрали на этот престижный пост, и он может себе позволить^[1]. – Границы растворяются, государства разваливаются, союзы трещат по швам, общества делаются все более фрагментированными, идеологические лагеря восстанавливаются. Новости, доходящие до нас, порой невозможно переварить, конфликты кажутся беспросветными, а мнения сталкиваются между собой с ничем не сдерживаемой силой»^[2].

Картинка происходящего дана убийственная, но вполне узнаваемая. Контрастно подсвечивающая процессы, разворачивающиеся на планете. Ничего хорошего они не сулят. Несмотря на общность интересов, все страны тянут в разные стороны. Вопреки логике научно-технического прогресса, способного сделать нашу жизнь легче, богаче, разнообразнее, они превращают ее в кошмар наяву.

Проблем в мире все больше. Опасностей, конфликтов и нестабильности тоже. Международных событий со знаком плюс, свершений, чего-то, чему стоило бы радоваться, – все меньше. Почему? В чем причина? Что в очередной раз в истории, которую мы пишем, пошло не так? Как развернуть ситуацию, чтобы от этого все выиграли? Иначе говоря, кто виноват, и что делать?

Заглядывая в «зеркало», любезно поставленное перед нами мэтром, хотелось бы не только

ужаснуться, но и получить хотя бы абрис ответа на волнующие нас вопросы. От них не уйти. Одной констатацией ограничиваться никак нельзя. Но «мондовцам» она потребовалась не для анализа и размышлений о сути происходящего, а лишь для того, чтобы рассказать о планах модернизации газеты и освоения электронного формата, для того, чтобы объяснить, какие они молодцы. Как честно, принципиально, грамотно и профессионально работают. Прямо «луч света» в темном царстве.

Оставим эту саморекламу на их совести. Понятно же, что коли сам себя не похвалишь, никто тебя не похвалит. Спорить об общеизвестных вещах нет ни малейшего смысла. Очевидно же, что со свободой слова у современных мировых СМИ, старающихся играть в одни ворота и открещивающихся от объективности и беспристрастности как черт от ладана, не все благополучно. Как и в мире в целом.

Те, кто пытаются говорить правду, делать достоянием всех по-настоящему важную, нужную обществу информацию, подвергаются остракизму, преследованиям и гонениям. Серьезная аналитика в загоне. Ей очень трудно конкурировать с заказным геополитическим трёпом, на все лады переключаемым теми, кто под него получают гранты, поддержку и щедрое финансирование. Достоверная информация до тех, кто принимают политические решения, похоже, вообще перестала доходить. Настолько эти решения разнятся с тем, что подсказывает здравый смысл, и о чем кричат факты.

Как в действительности обстоит дело со свободой слова, мнений, доступом к достоверной информации, лучше всего судить по открытому письму президенту Франции Франсуа Олланду с просьбой о предоставлении убежища, с которым к нему обратился основатель «Wiki Leaks» Джулиан Пол Ассанж. Вот что он рассказывает в нем о тех «преследованиях и угрозах расправы, которым подвергался за свою профессиональную деятельность»[\[3\]](#).

В апреле 2010 г. он размещает во всемирной паутине видеоролики о зверствах и издевательствах американских вояк в Ираке под названием «Collateral Murder». Их невозможно смотреть без содрогания. Это видеозаписи, сделанные из вертолета. На них запечатлены хладнокровное садистское уничтожение гражданских лиц, среди которых оказались, в том числе, два сотрудника агентства «Рейтер», и тяжелые ранения, наносимые детям. Все под смех и скабрёзные замечания тех, кто творил эти страшные преступления. Ролик разлетелся по сети и очень многим открыл глаза на то, что происходило тогда в Ираке, на войну, унесшую к тому времени сотни тысяч жизней ни в чем не повинных людей.

«Со следующего же дня, - повествует Д.Ассанж, - с использованием откровенных и адресных угроз смертельной расправы против меня и ключевых сотрудников «Wiki Leaks» начинается беспрецедентная по своим масштабам кампания политических преследований. С тех пор она никогда не прекращалась. Перечисление всего того, что предпринималось против моей организации, моих близких и меня самого, не позволяет ощутить ее размах и интенсивность, но дают возможность составить о них представление: призывы расправиться со мной, выкрасть меня и засадить в тюрьму за шпионаж со стороны высокопоставленных американских политиков и чиновников; кражи информации, документов и собственности; многочисленные хакерские атаки; повторяющиеся попытки инфильтрации; незаконный запрет на доступ к пользованию всеми электронными платформами пожертвований и переводов в пользу моей организации; постоянное наблюдение за любыми предпринимаемыми мною шагами и моим

электронным общением; необоснованное судебное преследование на протяжении свыше пяти лет без возможности защищаться; кампания диффамации; угрозы физической расправы в отношении моих адвокатов, обыски у них, их преследование и т.д.»

Все это потому, продолжает Д.Ассанж, что он не стал молчать и придал гласности переданные ему документы и другую информацию о коррупционных скандалах, массовых нарушениях прав человека, преступлениях против мира и человечности, обо всем том, о чем общество должно было быть поставлено в известность. Недаром организация «Wiki Leaks» за свою деятельность получила награды от «Эмнести Интернэшнл» и десятков других престижных организаций. Пять раз выдвигалась на Нобелевские премии мира, а в 2015 г. – столько же раз на только что учрежденную премию Роберта Манделы. Ее публикации легли в основу многочисленных международных расследований, решений Страсбургского суда, докладов, подготовленных в рамках ООН, работы многочисленных независимых комиссий. Тем не менее в США он обвиняется в шпионаже в пользу третьих стран, краже правительственной собственности, заговоре, нарушении законов о защите информации, в общем в совершении преступлений, тянущих на пожизненное лишение свободы, а то и на смертную казнь.

Единичный случай, скажут непробиваемые. Как-никак, рассекреченная информация существенно подпортила имидж такой супердержавы, как Соединенные Штаты. Они не могли просто так, якобы равнодушно проглотить пилюлю. Они просто обязаны были наказать «супостата». Сделать что-то эдакое, чтобы другим неповадно было. Они и сделали. А как получилось – так и получилось. Ничего иного в подобной ситуации и ждать было нельзя.

Не согласен: случай – далеко не единичный. Полностью набросить намордник на свободу слова в эпоху Интернета никак не получается. Многие по старинке думают, что призвание журналистского сословия состоит в том, чтобы информировать людей. Сообщать им о предпринимаемых против них действиях. Новых угрозах. Готовящемся или уже предпринимаемом наступлении на права человека. Точно также как в тоталитарном и авторитарном обществе, так и в демократическом. По крайней мере, претендующем на то, чтобы все считали его демократическим. Однако очень бы хотелось.

Вот и в Германии вспыхнул очередной скандал, который постарались быстро замять. Суть – уголовное расследование было начато против главного редактора и одного из журналистов издания «Netzpolitik.org», а равно тех людей, которые передали им соответствующие данные. Их обвинили в государственной измене. За что? Да за то же самое – они разместили на своем сайте документы, свидетельствующие о дополнительных шагах по расширению электронного контроля за гражданами, сделанных спецслужбами Германии[4]. То, что под давлением общественности расследование по данному основанию спешно прекратили[5], ничего в общей картине произвола не меняет – косметическая мера, считает даже «Файнэншл Таймс», призванная минимизировать понесенный Берлином репутационный ущерб[6].

Однако вернемся к процитированному выше отрывку из мондовской передовицы. Это отнюдь не предел «самобичевания», образности и стилистических красот. Конкуренцию ему легко составит публикация на страницах оппозиционной, но не менее читаемой французской газеты «Фигаро». Один из ее постоянных авторов так рисует сегодняшний день Европейского Союза: «Со времен окончания Второй мировой войны история Европы разворачивалась под знаком интеграции, которая позволила ей превратиться в крупнейший мировой рынок, запустить в

обращение общую валюту, успешно противостоять Советскому Союзу, восстановить свое единство и суверенитет. Эта позитивная динамика может поменяться на противоположную. Ее институты работают вхолостую. Политическое лидерство отсутствует. В результате она не в состоянии справиться с кризисами, одолевающими континент, и превратиться в движущую силу глобализации. Раньше она задавала вектор движения к миру и процветанию. Сейчас сделалась домом не только для безработицы и ксенофобии, но и для популизма»[\[7\]](#).

Олицетворением всех перечисленных деструктивных тенденций, по мнению известного французского эссеиста, историка и экономиста Никола Бавереса, являются Греция и Великобритания. Чтобы ситуацию в стране, принадлежащей к развитому миру, ЕС и зоне евро, довели до экономического развала, краха банковской системы и фактического банкротства, превратили в нечто, отрицающее модернизм и современную государственность, такого в мировой истории еще не случалось.

Если же Британия выйдет из ЕС, что становится все более и более вероятным, интеграционная группировка не просто лишится одного из своих членов, который после этого развалится и потеряет статус ведущей финансовой площадки мира. Она очень много потеряет в весе, силе и влиянии, лишившись второй крупнейшей экономики и первой финансовой площадки региона, ядерной державы, постоянного члена Совбеза ООН, одной из всего двух стран ЕС, обладающих самостоятельным оборонным потенциалом и общепланетарной дипломатией.

Угрозы, которые несут самому существованию и предназначению ЕС внутренние проблемы Греции и Великобритании, при всей их непохожести и разноплановости, во многом идентичны. Они чреваты фрагментацией общего пространства. Ослаблением государственных структур и демократических институтов. Частичной утратой самоидентификации, которой не преминут воспользоваться демагоги всех мастей. Имиджевыми потерями в связи с очевидной неспособностью ЕС справиться с встающими перед ним проблемами.

Однако, дорогой читатель, предлагаю вновь насладиться остротой пера Никола Бавереса. «Длительное время утверждалось, – пишет он, – что лишь благодаря кризисам, преодолевая их, Европа продвигается вперед. Сегодня взаимоподдерживающих кризисов так много, что Европа рискует просто исчезнуть. Это миграционный кризис, когда с начала 2015 г. по морю прибыло 137 тыс. человек. Кризис экономический, в котором смешивается все – недофинансирование, массовая безработица и долговая нагрузка, вышедшая за все мыслимые пределы. Политический, отличительной чертой которого стала популистская волна, вбирающая в себя гиперационализм и гиперсоциализм. Стратегический, когда ЕС элементарно не знает, что ему делать, перед лицом резкого и неожиданного нарастания внутренних и внешних угроз: исламского терроризма; пожара, охватившего Ближний Восток и Северную Африку; пробуждения древних империй – российской, османской, персидской».

Это еще далеко не все, подчеркивает аналитик, посвятивший призывам к ЕС и государствам-членам срочно пересмотреть проводимую ими политику десятки книг, статей и других публикаций. ЕС сваливается «в пустоту, – считает он. – У него нет ни проекта, ни видения. Он не находит более своего воплощения ни в Европейской Комиссии, бессильной и безответственной, ни, тем более, в главах государств и правительств, пекущихся лишь о защите своих национальных интересов, какими они представляются в краткосрочной перспективе. Примером может служить франко-германский тандем. Он нынче почти

полностью выхолощен Германией, которая сподобилась взять на себя единоличное лидерство континентом, не обладая для этого ни волей, ни умением, и Францией, делающей вид, будто она по-прежнему чем-то руководит, тогда как она полностью утратила состоятельность в силу своего экономического и социального упадка».

Что сказать. Написано хлестко. Мастерски. Системно. Узнаваемо. Но все же это опять-таки не более, чем констатация. Использованная мэтром формула о «политическом и моральном провале» развитых демократий, приведшем к нынешнему состоянию, мало что добавляет для понимания того, каков механизм системного кризиса, переживаемого ЕС и, прежде всего, еврозоной. Каковы его корни, причины и слагаемые. Насколько он обусловлен идеологическими просчетами.

Робкие попытки анализа

Осознав глубину и неоднозначность системного кризиса, с которым столкнулись ЕС, еврозона и государства-члены, руководство интеграционного объединения еще несколько лет назад обратилось к экспертному сообществу, причем не только европейскому, с просьбой подумать над ответами на эти обязательные вопросы. Писал об этом. Но, похоже, то ли наработок не было, то ли обычные и веб-страницы ведущих мировых изданий для них оставались закрытыми. Табу есть табу. Так быстро и легко они не исчезают.

Все изменил шок, вызванный «показательным распытием» Греции, на миг позволившей себе революционность и непослушание. Приказ «к ноге», пренебрежение народным волеизъявлением и внешний диктат были настолько грубыми и нарочитыми, что плотину смело. На страницы печатных и электронных изданий прорвались не только эмоциональные зарисовки, но и серьезные аналитические материалы. Приведу в концентрированном виде два из них, прямо противоположных.

Европейский Союз создавался для того, «чтобы принести своим гражданам благосостояние» и «обеспечить безопасность», – пишет главный редактор газеты «Тагеблатт» Даниэль Фонк^[8]. В самом широком смысле. Безопасность геополитическую, столь необходимую после стольких лет войн и насилия. Безопасность социальную, олицетворением которой стало государство всеобщего благоденствия.

Его оплотом служили профсоюзы и левые партии. Они следили за более-менее справедливым распределением богатств в обществе. Глобальный финансово-экономический кризис (как я считаю – исчезновение альтернативы в лице Советского Союза) сломал механизм социальной справедливости. Повсеместно правительства пошли в наступление на социальную роль государства. Все увлеклись ультралиберализмом.

Ставка на него означала беспрецедентное ослабление экономических возможностей государства и политику жесткой экономии. Вслед за Рональдом Рейганом в Соединенных Штатах и Маргарит Тэтчер в Великобритании по проложенному ими пути пошел практически весь истеблишмент. Все классические политические партии континента бросились придерживать одних и тех же в основе своей несостоятельных догматов – социалисты, либералы, консерваторы.

В результате Европа получила усиливающееся расслоение общества, относительное обнищание одних и концентрацию богатства в руках других и, как естественное следствие, утрату доверия со стороны населения к партиям и правительствам, обязанность которых состояла и состоит в том, чтобы представлять и отстаивать их интересы. Возникший политический и социальный вакуум заполнили т.н. крайне правые и крайне левые, например Национальный Фронт во Франции. Но ведь кто-то должен был взять на себя функции, которые классические политические партии перестали отправлять.

Сириза в Греции, которую к власти привели протестные настроения, не предлагала ничего революционного. Ей поверили потому, что ее лидеры выступили в защиту работающих по найму и пенсионеров. В защиту тех, по кому глобальный кризис, кризис суверенной задолженности и политика жесткой экономии ударили особенно болезненно – т.е. простого люда. Никогда ни о каком разрыве с ЕС или еврозоной или выходе из них не было и речи. Её лидеры хотели лишь, чтобы внешняя помощь служила не для обслуживания долга, а для социально-экономического возрождения страны. Однако, как продолжают ее коллеги по цеху, будучи интегрированной в сложившуюся систему отношений, альтернатива политике жесткой экономии, предложенная премьер-министром Греции Алексисом Ципрасом, никакой альтернативой не является[9]. О плане «Б» бывшего министра финансов в его кабинете Яниса Варуфакиса[10] можно не упоминать, как и о возмущенной реакции на него[11] и статьях в поддержку[12], поскольку за пределы совещательной комнаты он не вышел.

Один в поле не воин. Без поддержки аналогично мыслящих политических сил в других странах никому не удастся доказать, что «вывести Европу из состояния маразма»[13] можно иными методами, нежели те, которых придерживаются адепты жесткой экономии. Вот каковы ставки в игре. Вот о чем история с греческими долгами. Вот в чем суть столкновения между закоренелым должником и его кредиторами.

Такова точка зрения, которую проще всего приписать политическим идеалистам. Политические циники, как отмечает «Интернэшнл Нью-Йорк Таймс», выстраивают свой анализ под совершенно иным ракурсом. Призвание ЕС, перерождение классических партий, разочарование в национальных правительствах, пробуксовка механизмов перераспределения представляются им чистой воды романтикой. Для них имеет значение лишь итоговый результат. То как сложилось на самом деле. Чем завершилось.

А нынешний раунд борьбы за и вокруг Греции закончился полной и безоговорочной победой политики жесткой экономии, бескомпромиссными сторонниками которой выступают Германия и ее ближайшие союзники, и капитуляцией оппонентов. Бунт, устроенный леворадикальным правительством Афин, подавлен на корню. Премьер-министр Алексис Ципрас совершил разворот на 180 градусов. Дабы получить третий пакет помощи, Греция будет проводить прежнюю политику жесткой экономии в гораздо более ортодоксальном исполнении, нежели даже первоначально настаивали кредиторы.

Почему это произошло, не принципиально. В какой-то степени из-за неопытности и некомпетентности одних. В какой-то – по причине непробиваемости и уверенности в своих силах других. Важно совсем другое. На самом деле у Афин, у истеблишмента, у леворадикальных авантюристов – абсолютно у всех у них не было никакого выбора. Им нечего было противопоставить внешнему давлению.

Попытка противостоять ему привела к жуткому развалу национальной экономики – ее потенциал оказался намного ниже того, на который правительство рассчитывало[14]. Скатыванию обратно в рецессию. Дальнейшему сокращению и так съездившегося ВВП. Разрыву производственных цепочек[15]. Беспрецедентному кризису банковской системы – еще бы чуть-чуть, и она окончательно рассыпалась[16].

Значит, альтернативы политике жесткой экономии и ультра-либерализму на нынешнем этапе европейского развития нет и быть не может. Не считать же им суицидальный синдром. Утверждения знающих экспертов, будто она лишь душит национальную экономику в фазе спада, могут быть тысячу раз верны, под углом зрения экономики. С позиций политического реализма, фактической расстановки сил и действия законов доминирования, правы канцлер Германии Ангела Меркель и ее воинственный министр финансов Вольфганг Шойбле. Чтобы они не делали, чтобы не предлагали, на чем бы не настаивали, по прошествии какого-то времени все равно утвердится в качестве истины в последней инстанции. Сейчас она каленым железом вбита в третий пакет помощи Греции.

Таких материалов, выражающих всю палитру мнений по поводу «греческой трагедии», до последнего акта в которой очень и очень далеко, море. Перед тем как попытаться их хоть как-то систематизировать, давайте вместе ответим на вопрос о том, почему в ее отношении мировые СМИ временно отказались от единомыслия, от полуправды, сдержанности и дозированной подачи информации. Временно – потому что после капитуляции Алексиса Ципраса и возглавляемого им правительства бунтовщиков освещение переговоров между Грецией и ее кредиторами и достигнутого соглашения вновь стало относительно благостным. Напряженный эмоциональный фон в значительной степени ушел. «Кассандры посрамлены» – радостно сообщалось читателям в передовице газеты «Монд», той самой, которая еще недавно клеймила возню вокруг Греции как «позор» Европы[17] и охотно публиковала материалы, убедительно доказывающие, что новой порции мер жесткой экономии ни экономика, ни население страны не выдержат[18].

Точка бифуркации

По всем канонам политкорректности на сумятицу в Греции и вокруг нее должны были бы набросить полог молчания. Как-никак, переговоры такого рода наши партнеры по планете всегда предпочитали вести келейно. Без подробностей. Не вынося сор из избы. Или ограничиваясь общими словами и таким минимумом, из которого ничего нельзя толком понять. Типа переговоров о тихоокеанском и евроатлантическом партнерстве или о регламентации тотальной слежки в Интернете.

Сдвинуть скандальные разборки с Грецией на периферию общественного интереса не удалось в первую очередь потому, что ими под сомнение ставились коренные основы того, что мы привыкли называть демократией, ротацией власти, народным волеизъявлением и т.д. «Сама возможность демократического выбора» в странах еврозоны, как элегантно формулировалось на страницах «Файнэншл Таймс»[19]. Совместимость того, как она функционирует, с защитой демократических устоев во входящих в нее государствах[20]. Получалось, что для ЕС, а частично и для мира в целом они больше ничего не значат. Так, пустой звук. Дань прошлому.

Давно устаревшие представления, которые лишь по недосмотру до сих пор не сданы в архив на длительное хранение.

Судите сами. «Сириза», ее лидеры, принципиально новое леворадикальное правительство пришли к власти с ясным и безоговорочным мандатом, полученным от греческого народа, покончить с политикой жесткой экономии, бюджетной консолидацией, перекладыванием тягот кризиса на плечи простых граждан, среднего класса, трудящихся, заменив ее курсом на стимулирование развития. Кабинет Алексиса Ципраса было и принят за его осуществление.

Однако кредиторы сразу дали ему по рукам. Они объяснили, что его святой обязанностью, прежде всего, является платить по долгам. Откуда они взялись – никого не волнует. Есть ли у Афин физическая возможность обслуживать их – тем более. Но не только. Точно так же от него ждут выполнения обязательств, взятых на себя предыдущим правительством (или навязанных ему – опять-таки значения не имеет). То есть осуществления всех тех мер, против которых, поддержав «Сиризу», проголосовал электорат. А для пущей убедительности заморозили средства, причитающиеся Греции из различных фондов ЕС, и отключили от финансирования по линии ЕЦБ. Чтобы породить в стране хаос, считает небезызвестный Пол Кругман, и свалить негодное правительство [21]. Или сделать его ручным, вносят дополнительные нюансы другие аналитики [22]. Ведь как объяснял сам Алексис Ципрас, мы соглашались на все «в пределах человеческого возможного», но кредиторы «не хотели ничего другого – только навязать нам свои условия» [23].

В переводе на общедоступный язык, начальство и братья по интеграционному объединению вполне доходчиво сказали леворадикальному правительству Греции и всем леворадикальным и праворадикальным силам европейских стран, мечтающим о захвате власти посредством вполне легитимной победы на выборах: «К ноге, козлики. Плевать мы хотели на ваши предвыборные обещания, на мандат, полученный от населения, народное волеизъявление и все прочее. Вот что вы должны делать. Шаг вправо, шаг влево – расстрел».

И не просто сказали, куда там, а принялись методично, показательно, дабы подражателям и всем присным неповадно было, разрушать экономику и банковскую систему Греции. Благо, усердствовать особой необходимости не было. В специфических условиях еврозоны, как недавно продемонстрировал опыт Кипра, механизм саморазрушения включается автоматически. Ведь все в руках ЕЦБ. Свои деньги сверх установленных лимитов печатать никто не может. Провести девальвацию тем более: нечего девальвировать. Помочь себе сам никто не в состоянии. Из «простых смертных», конечно, т.е. мелких и средних стран региона. Только с высшего соизволения Франкфурта. И по его указке.

Значит, наблюдая за тем, как финансово-экономически упеленывают непокорных избранных отдельно взятого государства-члена ЕС, сделало напрашивающийся вывод экспертное сообщество, никакой демократии в смысле свободы выбора и вообще подлинных выборов в нынешней Европе быть не может. Либо она задушена теми, кто раз и навсегда захватил власть и пресекают любую возможность на нее посягнуть. Либо переродилась до такой степени, что от нее остались «рожки да ножки».

Есть одна и та же команда. Она разбилась на две, две с половиной, три части и создает видимость демократии, передавая власть сама себе. Никакой ротации власти нет. Никакой

истинной конкуренции идей, проектов общества, разновидностей политического курса не существует. Проводится один и тот же, только в разном обрамлении, с оторочками, рюшечками, позументиками или чем-то еще. В голубом цвете, розовом или в крапинку. Обставленный теми словесами или другими. Но по сути своей абсолютно идентичный.

Это было видно уже и раньше. Достаточно сопоставить предвыборные обещания президента Франции Франсуа Олланда, то, что он попытался сделать, придя к власти, с тем, что его принудили делать обстоятельства. Как и Алексис Ципрас, он осуществил пируэт, называемый мертвой петлей. Очень скоро, развернувшись на 180 градусов, он предпочел расплеваться со своими социалистическими верованиями и следовать проверенным правоцентристским рецептам.

Но он и ведомое им правительство, хотя бы, сделали это сами. Или, вроде бы, сами. Следуя внутренней логике политического и социально-экономического развития страны. Руководствуясь её высшими интересами. Прекрасно понимая, что их будущее и настоящее - в руках их собственного электората. Они зависят только от него.

Греков откровенно «изнасиловали». Они и один раз - на парламентских выборах, и второй - на референдуме высказались против политики жесткой экономии. Их «распяли». Заставили следовать прямо противоположным курсом. Навязали им этот выбор извне. «Под дулом пистолета». Такое издевательство над демократией «порядочная» часть истеблишмента и лучшие представители экспертного сообщества выдержать не могли. Высказать, что они по этому поводу думают, им было крайне важно. Тем самым они возвращали себе самоуважение и внутреннее равновесие. Прекрасно отдавая себе отчет, одновременно, что на происходящее в ЕС они ни в коей степени повлиять не смогут. Сейчас. При нынешней конъюнктуре.

Но все равно, их несогласие не останется незамеченным. Оно сыграет свою роль тогда, когда надо будет ставить диагноз тому политическому устройству общества, в котором свобода выбора утрачена. С ротацией власти покончено. Профсоюзы разгромлены. Левые партии неотличимы от правых и делают за них их работу. Социальные завоевания преданы забвению. В общественном сознании очень многое, если не все, поставлено с ног на голову. Господствует единомыслие. Грекам и всем тем, кто, не дай бог, последуют их путем, наглядно показали, что будет с их страной, если они поверят «демагогам». Популистам же всех мастей дали урок: не будьте опрометчивы в своих предвыборных обещаниях. Власть с их помощью вам не удержать. Не надейтесь.

Другой основополагающий вопрос, который поставило противостояние Греции и кредиторов, и по поводу которого политические, медийные и экспертные круги также никак не могли промолчать, заключался в выяснении природы нынешнего ЕС. Причин, приводящих к принятию решений, далеких от оптимальных. Сопоставлении интеграционного объединения с развалившимися ныне империями прошлого[24]. На протяжении десятилетий всем вбивалось в голову, что интеграционное сообщество является добровольным объединением народов. Его стержень - солидарность. Кредо - равноправие. Цель - утверждение уважительного отношения друг к другу, забота о человеке и процветание.

Оказалось, все это по большей части - мишура. Господствуют все те же пещерные законы, что и столетия назад. Никакого сложения суверенитетов не происходит. Господство и диктат никто

не отменял. Единственно, они приняли другие формы. Внешне они теперь о другом. Об общем благе. Эффективности государственного управления. Господстве права. Соблюдении взятых на себя обязательств. Но сути дела-то это не меняет.

Так, значит, правы были, пусть и не во всем, ортодоксальные хулители европейской интеграции, которые утверждали, будто бы «она нужна для сплочения верхов, разобщения низов и утверждения незыблемости господства одних над другими». Национальному отряду возроптавших ничего не светит. Он имеет дело теперь не с зарвавшейся наднациональной элитой, тем более ее частью, а с объединенным фронтом всех тех, кого нынешний порядок вещей вполне устраивает. На этот вопрос тоже надо было давать ответ. Промолчать никак не получалось.

Хотя большинство экспертов предпочли высказаться несколько о другом, тоже крайне нужном и важном для понимания происходящего – о том, как первый в истории дефолт развитого государства стал возможен. Кто или что виноваты в том, что самостоятельное экономическое существование Греции оказалось невозможным. В чем состоят внутренние пороки функционирования общего рынка и сообщества с единой валютой, чреватого подобными эксцессами. Как быть дальше. Что делать. Куда двигаться. Вперед или назад. И если вперед, то в чем это вперед заключается.

Давайте теперь посмотрим, на какие из них и в какой степени экспертное сообщество сумело ответить.

Сухие цифры и порождаемые ими сомнения

Та или иная реакция на формулу «деньги в обмен на реформы», в ультимативном виде предложенную кредиторами Греции и затем навязанную ей, предопределяется тем, как оценивать эффективность, состоятельность и продуманность предыдущих двух пакетов помощи Афинам и их последствия. Те кто видят, скорее, их негативные стороны, в основном бьют на то, что никакой помощью Греции на самом деле пакеты помощи не являлись. Собственно Греции из них досталась лишь малая толика. Займы давались ей только для того, чтобы она расплатилась за предыдущие. В первую очередь они пошли на то, чтобы спасти немецкие, французские и иные банки. Из долгов частным организациям они превратились преимущественно в долги другим государствам-членам и международным финансовым учреждениям.

Нельзя их называть и собственно помощью. Деньги, чтобы расплатиться, Афины получали на коммерческих условиях. Эти деньги греки обязаны вернуть. До последней копейки. О какой благотворительности, изъятии средств у рядовых налогоплательщиков региона может идти речь, вообще непонятно. Более того, за те деньги, которые по существу проносили мимо их носа, греки вынуждены были платить увесистые проценты. Как следствие, долг благодаря т.н. помощи только вырос. Причем на порядок. Так что удавка – да. Хомут на шее – да. Но никак не помощь.

Ущерб от нее, нанесенный Греции, ее экономике, социуму, жителям, – огромный. Его проявления различимы повсюду. Выгоды – весьма сомнительны. Эфемерны. Существуют по

большой части только на бумаге. Их разыскивать приходится днем с огнем.

По подсчетам Института конъюнктуры «КоеРексекод» (CoeRexecode), в 1999 г. доходы на душу населения, подсчитанные по паритету покупательной способности, достигали 24 429 ам. долл. или 22 020 евро. К 2007 г. они выросли до 33 018 ам. долл. или 29 765 евро. В 2014 г. упали до 24 564 ам. долл. или 22 145 евро. Таким образом, за годы кризиса греки потеряли весь тот приварок, который они получили от вхождения в зону евро[25].

В среднем по зоне евро ситуация гораздо менее трагичная. По сравнению с 1999 г., несмотря на кризис, все равно есть рост. В 1999 г. доходы на душу населения равнялись 33 562 ам. долл. или 30 257 евро. В 2007 г. достигли пика в 38 483 ам. долл. или 34 693 евро. В 2014 г. просели до 37 141 ам. долл. или 33 483 евро. То есть сильно пострадала только Греция (а также Италия). Грецию отбросило аж на 15 лет назад.

Динамика показателей, описывающих ситуацию в области промышленного производства, еще более кошмарная. В 2014 г. объем промышленного производства, если не учитывать строительную индустрию, сократился, по сравнению с 1999 г., на 20%. Объем инвестиций упал на 47%. ВВП был на 25% ниже, чем в 2009 г.

Пребывание в зоне евро первоначально повлекло за собой для Греции снижение стоимости кредитов почти до уровня Германии. Государственные расходы подскочили вверх. Спрос подпитывался опережающим ростом зарплат. Дефицит бюджета и внешней торговли составил порядка 15%. Перед лицом кризиса страна оказалась не просто уязвимой, а безумно уязвимой. В сравнении с рецессией, пережитой Грецией, меркнут любые другие катаклизмы, не связанные с природными катастрофами и военными конфликтами (за исключением развала СССР и СФРЮ).

Её усилия по снижению бюджетных расходов также нельзя не назвать чрезвычайными. За пять лет дефицит бюджета удалось сбить с 15,2% до 2,7% ВВП. Экспорт и импорт приблизились к паритету. Зарплата снизилась на 20–30%.

Но конкурентоспособности греческой экономике это не прибавило. Экспортоориентированный сектор народнохозяйственного механизма Греции слишком маленький и слабый. А политика жесткой экономии, проводившаяся весь этот период, с врожденными пороками греческой экономики справиться так и не смогла. Хуже того, добавила новых.

Фактически пакеты помощи на пару сотен млрд ам. долл. и политика жесткой экономии, «совместно» разработанная кредиторами и Грецией, принесли результат, прямо противоположный ожидаемому. Национальная экономика очень много потеряла и мало что приобрела. Нанесенный ими удар по жизненному уровню населения – характеру потребления, рабочим местам, гражданской службе, системам социального обеспечения, здравоохранения, пенсионной системе – ничем нельзя оправдать. Может быть, главное – они подорвали доверие к инвестированию в греческую экономику, финансовые институты, банки, производство и сферу услуг, вообще во все греческое.

Почему это произошло, буквально «на пальцах» объясняет экономист, хорошо известный даже не специалистам, Пол Кругман. Греческая сага начинается в 2009 г., пишет он. ЕС и еврогруппа мучительно долго тянули с оказанием стране помощи. Но тогда задолженность

составляла 130% ВВП. Цифра высокая. Безусловно. Но отнюдь «не уникальная». В истории ситуации типа той, в которую попали Афины, случались неоднократно. Всегда, как, например, в случае с Канадой в 1990-х, рецепт был одним и тем же – жесткая экономия, дешевые деньги, игра на снижение валютного курса.

Те, кто следовал ему, справлялись с временно возникшими конъюнктурными трудностями. Эпизод с Грецией иной. После пяти лет интенсивного «лечения, навязанного ей партнерами по еврозоне», долг подскочил до 170% ВВП или даже выше. Но фокус даже не в этом. Объем долга с 2009 г. вырос всего на 6%. Он в другом. Политика жесткой экономии задушила национальную экономику. Она обрушилась свыше чем на 20%. Отсюда и рост соотношения долга с ВВП.

Это произошло потому, что из трех слагаемых успеха в распоряжении Афин остались только негативные меры. От позитивных из-за своей принадлежности к еврозоне и того пакета помощи, на котором еврогруппа настояла, они оказались отрезанными. Ни доступа к дешевым деньгам, ни девальвации – ничего этого в их распоряжении не было.

Грецию заставили пойти на осуществление мер жесткой экономии, которые сами по себе ничего порочного в себе не несут, лишив всего остального. Прежде всего, возможности осуществить курсовой маневр. Результат чудовищный. Национальная экономика рухнула. Проблема задолженности сделалась еще тяжелее. Все из-за того, что Афины заставили грубо и непродуманно проводить политику жесткой экономии, отдав на растерзание тяжелому евро[26]. Как допотопные знахари из дремучего Средневековья, только и умеющие что пускать пациенту кровь в качестве лечения от всех болезней, братья по еврозоне применили ту же методу[27].

С учетом этого легко понять, почему новый, третий по счету пакет помощи, идущий в развитие, а не корректирующий их[28], вызывает такой скептицизм[29]. Все его элементы, комментируют обозреватели «Интернэшнл Нью-Йорк Таймс», до боли знакомы. В обмен на 86 млрд евро или, в пересчете, на почти ровно 96 млрд ам. долл. «греки пообещала поднять налоги, снизить расходы и осуществить меры с тем, чтобы их экономика работала более эффективно»[30]. Главный его порок, указывают авторы «Файнэншл Таймс», – полное отсутствие стимулов для греков идти по обозначенному в нем пути[31].

Как и многие другие представители журналистского и экспертного сословия, они указывают на режущую глаза непоследовательность в позиции Германии и других кредиторов. Условия, навязанные Греции ранее, продемонстрировали свою несостоятельность. По ряду причин, которые никуда не делись. Почему кредиторы настаивают на том, что они теперь сработают, не ясно. Утверждения о том, что, дескать, условиям, на которых предоставляются кредиты, придан системный характер, они лучше сформулированы, будет осуществляться пристальный контроль за их соблюдением и предусмотрено автоматическое прекращение помощи в случае серьезных нарушений, не убеждают. Они не очень логичны. Такого же мнения придерживаются и многие французские комментаторы[32].

Ведь МВФ с фактами и цифрами в руках разъясняет, что сейчас Греция находится в еще более тяжелом положении, чем раньше. Механизм предоставления помощи, закладываемый в третий пакет, гарантированно выводит долг Афин с нынешних 175% ВВП до порядка 200%. Это запредельно. Экономике Греции, связанной по рукам и ногам, его не потянуть[33]. «Если

согласиться с аргументами, приводимыми МВФ, – пишут обозреватели «Интернэшнл Нью-Йорк Таймс», – вам придется признать, что, несмотря на все зубодробительные положения соглашения, навязанные Греции еврозоновскими кредиторами, она будет точно так же, как и в случае с предыдущими пакетами помощи, не в состоянии ни выполнить их, ни расплатиться по новым займам»[34].

Чтобы ссылки на МВФ выглядели убедительнее, дадим слово его директору-распорядителю Кристин Лагард. «Я по-прежнему твердо убеждена, – суммировала она занятую ею позицию, – что долг Греции сделался для нее неподъемным, и что ей не удастся лишь своими силами вернуть себе способность расплачиваться по нему»[35].

Но ведь это то же самое, что правительство Алексиса Ципраса пыталось донести до ЕС, государств-членов, еврогруппы, ЕЦБ и, в том числе, МВФ с самого начала переговоров в первые месяцы 2015 г. Что следовать прежнему сценарию бесперспективно. Что пакет помощи должен быть сориентирован в первую голову на восстановление национальной экономики и экономический подъем, а не на поиски бюджетной консолидации и обслуживание долга. Только тогда у страны появится реальная возможность расплачиваться с кредиторами, не вгоняя себя еще глубже в нищету и долговую яму. Его не услышали. Точнее, не захотели услышать и понять. Сначала. Затем сломали. Сказать, обратили в свою веру, было бы преувеличением.

Кульбит, совершенный МВФ, в противоход эволюции, проделанной Алексисом Ципрасом и греческими парламентариями, стал, по всеобщему признанию, наиболее интригующим элементом подковерной схватки вокруг третьего пакета помощи. Вот как его охарактеризовали американские комментаторы – подчас им тоже нельзя отказать в красноречии: «На долю греческой долговой драмы пришлось немало неожиданных изгибов и вывертов. Союзы образовывались и распадались. Противоречия становились еще более глубокими. Сделки за закрытыми дверями заключались в более чем византийской манере. Но перевоплощение МВФ из главного обидчика Греции в ее ведущего адвоката в отношении необходимости реструктуризации ее долга относится к числу наиболее невероятных и интригующих событий из числа всего того, что до сих пор происходило»[36].

Однако о позиции МВФ чуть позже[37]. Сейчас несколько замечаний по поводу других аспектов очередного акта мыльной оперы о спасении Греции. Наученные горьким опытом предоставления предыдущих пакетов помощи, экономисты скептически оценивают спасательный эффект нового, делают обобщенный вывод журналисты и комментаторы газеты «Монд» с опорой на многочисленные интервью, полученные от представителей самых различных исследовательских центров и деловых кругов[38]. Одним из его главных недостатков эксперты зачастую называют то, что он игнорирует коренной вопрос об облегчении долгового бремени Афин. Но отнюдь не только.

Да, нынешний пакет сбит намного лучше предыдущих, соглашаются специалисты. Вместе с тем, он страдает в какой-то степени теми же врожденными пороками[39]. В их числе – недостаточная реалистичность и критически высокий негативный потенциал мер, способных задержать выход Греции из рецессии или даже вновь погрузить в нее.

Понятно же, что за время бесцельных переговоров по выполнению второго пакета в полном

объеме экономика Греции и ее банковская система очень сильно пострадали. Кредиторы же дали урону, нанесенному народно-хозяйственному комплексу Афин, завышено оптимистическую оценку. По их подсчетам, экономика Греции должна просесть очень незначительно, не мешая быстрому возобновлению экономического роста. Мол, она уже достигла дна и может идти только вверх.

Отсюда шапкозакидательские контрольные цифры третьего пакета. В соответствии с ним в текущем году дефицит бюджета, подсчитанный без учета выплат по обслуживанию долга (первичный дефицит), составит 0,25% ВВП. В 2016 г. положение выправится и затем начнет быстро улучшаться. Первичный профицит должен достичь 0,5% ВВП. Годом позже – 1,75%. И в 2018 г. – вырасти до 3,5%.

Наивные цифры, считают скептики. На самом деле тренд уже задан. Развернуть его так быстро не получится. В этом году падение ВВП приблизится к 3%. В 2016 г. оно продолжится. Более того, усугубится и достигнет 6% ВВП. О каком первичном дефиците в таких условиях может идти речь, непонятно. Если пакет помощи зиждется на подобных переделках, значит все его цифры дутые.

Все рассказываемое в нем – не просто благие пожелания, а самая настоящая «летняя сказочка», выносит свой вердикт газета «Ди Вельт». Поверить в такое просто невозможно. С какого драбадана они взяты, остается только удивляться. За последние пять лет ни одной стране зоны евро не удавалось выйти на столь блестящий результат. Каким же образом это получится у замарашки Греции, соглашение с нею кредиторов не объясняет.

86% немцев не верят в то, что греки выполняют обязательства. Они принимаются лишь для отвода глаз. Чтобы избежать дефолта и последующей катастрофы, вторит ей газета «Хандельсблатт». Поскольку поверить в подобное невозможно[40].

Столь же наивны и расчеты, касающиеся приватизационного фонда. Одно из весомых новшеств пакета – его создание, от которого леворадикальное правительство Греции отбивалось руками и ногами. Замотать его не получилось. Немцы ставили вопрос ребром: или фонд, или «катитесь» из зоны евро. Единственное, что удалось отспорить грекам – это его прописка в Афинах, а не в Люксембурге, на чем настаивал Вольфганг Шойбле. Хотя уступка грекам чисто косметическая. Имиджевая. Все равно фонд останется под контролем и управлением кредиторов. Туда переводится государственная собственность Афин, которая затем распродается. То есть приватизируется. В список приватизируемых объектов включаются морские порты, железные дороги, аэропорты, другие объекты инфраструктуры. В общем все ценное, что греческое государство придерживало для себя. Все, что ранее считалось национальным достоянием.

Согласно пакету помощи, таких объектов в фонд должно быть переведено на 50 млрд евро. Вырученные средства в разных пропорциях пойдут на выплату долга, докапитализацию банков и стимулирование инвестиций. Проблема в том, указывают аналитики, что у Греции не так много всего. Даже при условии высокого спроса на активы, нужной суммы не набирается. Сейчас же конъюнктура плохая. Они уйдут за бесценок. Завышенную цену никто платить не будет. Поэтому-то раньше Афины так противились приватизации. По уму она должна была бы проводиться противоположным образом. На принципиально иных условиях.

Со структурными реформами, под которыми подписалось леворадикальное правительство и уже не контролируемый им парламент, ситуация несколько иная. Многие из них давно назрели. Их можно только приветствовать. Борьба с коррупцией, реформа архаичной системы налогообложения, открытие рынков, в частности энергоносителей, и снижение порога доступа на них, конечно же, очень помогут греческой экономике. Они сформируют более благоприятный деловой климат в стране. Создадут предпосылки для повышения конкурентоспособности. Если будут выполнены.

В том-то и загвоздка, сетуют многие аналитики. До сих пор сменяющиеся греческие правительства только обещали. Делать у них не получалось. Реформы глохли, наталкиваясь на сопротивление чиновничества, различных социальных и профессиональных групп общества. Почему теперь будет иначе, не совсем понятно. Никакой радости по поводу того, что сейчас, согласно третьему пакету, каждый шаг правительства и законодателей будет контролироваться кредиторами, а над головой будет постоянно висеть Дамоклов меч прекращения внешнего финансирования, греки испытывать не могут. К тому же есть универсальные закономерности. Хорошо известно, что чем выше налоги, тем сильнее стремление людей уходить от них. В 2012 г. греки уже поднимали их. В результате они недосчитались 800 млн евро.[\[41\]](#)

Ну, да это даже второстепенные озабоченности. Главные связаны с тем, что пакет противоречив. Одни меры в нем не стыкуются с другими. Акцент, вроде бы, сделан на улучшение делового климата и либерализацию рынка труда, т.е. другими словами, на снижение зарплат и социальной ответственности бизнеса. Однако эти меры перечеркиваются повышением налогов и разительным отсутствием решений, касающихся институциональной поддержки мелких и средних предприятий. Вообще мер, которые бы смягчали затягивание поясов и служили собственно экономическому росту и развитию. Не говоря уже о возвращении к активной экономической жизни колоссальной армии безработных. Ведь пакет сбит только и исключительно в интересах кредиторов, а до чаяний простых людей, населения Греции ему и дела нет[\[42\]](#). Далеко не факт, что с его помощью страна сумеет «вырваться из порочного круга «затягивание поясов – рецессия – затягивание поясов»[\[43\]](#). Существует реальная угроза того, что позитивный эффект от осуществления предписываемы им мер наступит не скоро, а негативный скажется незамедлительно[\[44\]](#).

Но и это еще не все. Имеются подозрения в том, что некоторые меры навязаны Афинам вовсе не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы разорить и перехватить бизнес в пользу конкурентов[\[45\]](#). Скажем, греческие судоходные компании контролируют значительную часть мировых грузоперевозок. Повышение налогообложения и ужесточение налогового администрирования повлечет за собой либо утрату ими части позиций, а то и разорение, либо бегство капиталов.

Как стало известно, указывает, например, замминистра финансов Греции, курирующий фискс, Трифон Алексиадис, многие греческие компании уже получили предложение перебраться в другие юрисдикции. «Это вызывает оторопь, – возмущается он. – Куда делась хваленая европейская солидарность, когда некоторые страны пытаются наварить на трудностях, переживаемых Грецией»[\[46\]](#). Трифон Алексиадис знает, о чем говорит. До нового назначения он уже работал министром труда. До того – возглавлял региональную ассоциацию сборщиков

налогов. С ним полностью согласны крупные греческие судовладельцы. Они уверены: фальшивые структурные реформы, предписанные стране извне, попали в третий пакет исключительно под давлением лобби немецких предпринимателей. Включенные в него меры подрывают их бизнес и направлены на то, чтобы вытеснить их с рынка[47].

Увы, опасения, высказываемые частью политического класса Греции по поводу того, что госсобственность будет «уплывать» к спасителям страны если и не по бросовым, то, во всяком случае, по ценам ниже рыночных, очень быстро начали сбываться. Вполне ожидаемый скандал, в частности, вызвало сообщение о том, что 14 крупнейших аэропортов страны, причем тех, через которые идет основной туристический поток, отойдут немцам. В 2014 г. немецкая группа компаний «Фрапорт», управляющая Франкфуртским аэропортом, со своим греческим партнером уже побеждала на тендере. Тогда они должны были отдать за все про все чуть более одного млрд евро и выплачивать небольшую ежегодную ренту. Однако по понятным причинам сделка расстроилась. Сейчас ее попытались финализировать. Утечка информации об этом моментально вызвала яростное неприятие со стороны непримиримого крыла Сиризы[48].

Россыпи объяснений

Каждый аналитик, пытающийся разобраться в том, что произошло с Грецией и ЕС и почему, предлагает свою версию последовательности событий и причинно-следственных связей. Таких версий сравнительно много. Или даже просто много. Без «сравнительно». В них всегда можно отыскать рациональное зерно. Да, полной картины они не дают. Для того чтобы ее получить, надо будет посмотреть, какую отдачу даст третий пакет помощи; как будет складываться и эволюционировать правящая коалиция в Греции – ведь 20 августа Алексис Ципрас подал в отставку и назначил досрочные парламентские выборы[49]; что принесут переговоры об облегчении ее долгового бремени; в какую сторону и с какой скоростью пойдет реформа еврозоны и ЕС. Но они дают крайне любопытную мозаику. К ней имеет смысл присмотреться.

Отсутствие убедительной концептуальной базы

Принято считать, что, предписывая Греции определенный курс лечения, запуская все три издания программы «займы в обмен на реформы» и принуждая Афины к проведению политики жесткой экономии, ее «спасители» руководствовались некоторым набором концептуальных представлений принципиального характера. МВФ, Европейская Комиссия и ЕЦБ, в частности, исходили из того, что периферийные страны ЕС попали в западню утраты конкурентоспособности. Что внешняя помощь необходима – без нее кризис начнет переливаться за пределы национальных границ. Что еврозону первоначально недостроили, не позаботившись о фискальном союзе. Наконец, что панацеей от всех бед выступают структурные реформы.

А если это все чепуха, задаются сейчас вопросом аналитики. Шаманство. Псевдонаучные представления. Если все это взято, грубо говоря, с потолка. Похоже, что так, утверждает знаменитая «Файнэншл Таймс», которая никогда революционностью не отличалась и совсем уж несообразные вещи старается не публиковать. Во всяком случае факты, практика, научные

изыскания самого последнего времени свидетельствуют о том, что каждый из постулатов отнюдь не бесспорен[50]. В этом отношении прав в какой-то степени бывший заместитель директора-распорядителя МВФ Ашока Моди[51], называющий их «мифами», уверовав в которые лидеры ЕС «принялись плодить ошибки, противоречащие какой-либо политической логике и экономической целесообразности»[52]. Вслед за ее авторами кратко пробежимся по аргументам, приводимым в их оправдание и для их опровержения[53].

Структурные реформы – абсолютный императив. Это альфа и омега всех директивных документов, принимавшихся МВФ и институтами ЕС. Проблемным странам железно необходимо их проводить, утверждается в них, дабы повысить свою конкурентоспособность, поднять эффективность управления, вывести национальную экономику на траекторию стабильного развития и сравняться с партнерами по интеграционному проекту.

Суровая правда жизни, констатируется на страницах медийного рупора финансовых кругов, состоит в том, что это все не так. Структурные реформы дают крайне низкую отдачу с точки зрения роста и производительности труда, и ВВП. Если вообще дают. Иногда эффект от них бывает даже негативным. Они всегда затрагивают лишь некоторые сегменты народнохозяйственного комплекса. Рост же зачастую обеспечивают как раз те отрасли, на которые они не распространяются.

Предположение о том, что усиление конкуренции ведет к росту производительности, тоже ничем не подтверждается. Либерализация же рынка труда, как показывают последние исследования, проводившиеся МВФ или заказанные им, вообще может вести к падению производительности труда. Согласно им, отдача от реформ, которые проводятся в периферийных странах, в расчете на пять лет не превышает 3,7%. Вывод: структурные реформы дают не так уж много. Во всяком случае, никакого определяющего влияния на устойчивость к долговому бремени или повышение уровня жизни они не оказывают.

Следующий постулат – все беды валютного союза происходят от его недостроенности. Устойчивость ему должен придавать фискальный союз. С его помощью не составляет труда быстро и эффективно бросать деньги на помощь тем странам, которые оказались в более сложном положении, чем другие.

Опять-таки – чистой воды спекуляция. Ни один из известных истории успешно работающих финансово-денежных союзов не опирается на перераспределение через налогообложение. Никто не спорит, что Соединенные Штаты являются образчиком успешного союза. Однако они опираются не на административные механизмы, а рыночные силы. Локальные шоки тушатся в них «благодаря частным финансовым рынкам». Работают не трансферты, когда средства черпаются из налоговых поступлений, а переливы капитала.

Опора на фискальные механизмы измеряется в США лишь 15%. В Германии и того меньше – 10%. Значит, ответом на кризис валютного союза должен быть не фискальный союз. Ну даст он 10-15%, а не 1%, как сейчас. Все равно это решающего значения иметь не будет. Достраивать нынешний общий рынок, в основном товарный, финансовым рынком – вот что нужно. Чтобы интеграция в этой области приближалась к той, которая существует в федеративных государствах. Только тогда все участники рынка на деле, а не искусственно, будут разделять возможные риски и противостоять им.

Утверждается, что Грецию, Ирландию, Португалию и Кипр обязательно нужно было спасти. Их дефолт привел бы к катастрофическим последствиям и для них, и для партнеров по еврозоне.

Однако суверенные дефолты не такое уж редкое явление. Как общее правило, после них национальные экономики растут гораздо быстрее. Кроме того, они не отпугивают кредиторов. Для последних важнее всего четко просчитывать риски. То есть работать в условиях определенности. Она-то как раз и обеспечивается. А угроза заражения соседей эмпирическими исследованиями не подтверждается.

К таким выводам приводит изучение волны дефолтов в Европе 1930-х годов, латиноамериканский и азиатский кризис 1980-х и 1990-х. Существенное ухудшение условий выхода на открытый финансовый рынок для периферии ЕС случилось не по причине их взаимного заражения – на это ничто не указывает, а исключительно из-за испытывавшихся ими тогда внутренних трудностей. Своих собственных. Не импортированных.

И ужасы падения конкурентоспособности периферийных стран очень сильно преувеличены. Во-первых, согласно статистическим выкладкам, снижение той доли внешних рынков, которой они обладали, было крайне незначительным. Якобы здоровые и более устойчивые страны теряли больше. Во-вторых, в экспортоориентированных секторах экономики того роста заработной платы, который под влиянием дешевых кредитов «периода тучных коров» наблюдался в остальных и на госслужбе, не происходило. Кивать на него нет никаких оснований[54].

А вот бум потребления создание единой валюты действительно вызывало. Однако он случился не сам по себе. Он неразрывно связан со скачкообразным увеличением взаимной торговли и ростом импорта. То есть периферийные страны на деле подкармливали центр ЕС. Более слабые помогали крепнуть и утверждаться более сильным.

Если развивать эту мысль, лишь слегка прорисованную на страницах «Файнэншл Таймс», мы получим объяснение глубины кризиса, переживаемого регионом. Вместо того чтобы провести тонкую балансировку и перенастроить механизм функционирования ЕС и еврозоны, апостолы политики жесткой экономии нанесли тяжелейший удар по модели потребления, которую они же сами и породили, и тем самым отбросили назад и периферийные страны, и ядро ЕС, получавшее благодаря ей львиную долю дивидендов.

Здесь же хотелось бы отметить, что под сомнение сейчас ставятся самые разнообразные базовые экономические понятия, используемые институтами ЕС и международными финансовыми учреждениями. Выясняется, что уровень инфляции в 2%, на которые должны ориентироваться все страны ЕС, был выбран случайным и волюнтаристским образом. Никаких серьезных научных изысканий за ним не стоит. Сама инфляция может подсчитываться самым различным образом. Все зависит от корзинки товаров и услуг, которые предлагается учитывать. Примеров можно привести много.

Из наиболее насущных расхождений – *как оценивать, в состоянии ли экономика Греции выдерживать свалившийся на нее долг.* Брать на веру, что он в действительности составляет свыше 175% ВВП и вскоре из-за новых заимствований, предоставляемых в рамках третьего

пакета помощи, взлетит под 200%, считает, например, известный колумнист Хьюго Диксон, нет никаких оснований[55]. Ведь условия его обслуживания и погашения уже сейчас существенно смягчены. В своей совокупности займы предоставлены Афинам под очень низкий процент. Сроки погашения также крайне выгодные. Поэтому, скажем, Европейский механизм стабильности считает, что все послабления по факту снижают тяжесть долга на 49% ВВП. Под этим углом зрения он даже в будущем не превысит 150% ВВП.

Свежие деньги в размере 86 млрд евро предоставляются Греции под 1% с рассрочкой погашения на 32,5 г. Для нее прибавка к долгу вследствие этого будет вдвое легче номинала. До этого еврогруппа, предоставив Греции самые выгодные условия в отношении основной части долга, снизила его тяжесть фактически на 40 млрд евро. Если учесть и эти данные, получится что реальная или фактическая тяжесть долга не превышает 130% ВВП. Это уже совсем другое дело.

А ведь на ситуацию можно посмотреть и под другим углом зрения. В результате всех послаблений Афинам на ежегодное обслуживание и погашение долга нужно выискивать суммы, не превышающие 4% ВВП. Для сравнения, Италии и Португалии – порядка 5%. Значит, если исходить из того, что долг для Греции неподъемный, следует признать, чтобы быть логичными, что сейчас в еврозоне есть еще несколько стран, которые находятся в не менее тяжелом положении. И о списании их долгов тоже надо позаботиться.

Для МВФ после описанного выше разворота все эти рассуждения – от лукавого. Он очень долго и трудно шел к занятой им сейчас позиции, согласно которой одних структурных реформ и мер жесткой экономии для спасения страны совершенно недостаточно. В этом он пытался убедить ЕС. Безуспешно. По отношению к ЕС он внешний игрок. Ему надо поддерживать свой авторитет в глазах всего мира. Поэтому, убедившись в том, что достучаться до Брюсселя и Берлина у него не получается, он дистанцировался от них и сделал свои разногласия с ними достоянием общественности[56].

Основной виновник – самомнение европейских элит и единомыслие

Нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман вспоминает, что в январе 2010 г. два европейских экономиста совместно опубликовали статью, в которой издевались над неоправдавшимися пессимистическими прогнозами американских коллег по поводу будущего, уготованного евро. Статья называлась «Ничего не получится. Это плохая идея. Долго она не протянет». В ней высмеивались все те, кто предупреждал о несостоятельности валютно-финансового союза в той форме, в которой он создавался. Мазались дегтем ученые, объяснявшие, почему единая валюта создаст для государств-членов большие проблемы. (Суть – они находятся на разных уровнях экономического развития и в разных фазах экономического цикла. Одним нужна легкая валюта. Другим – тяжелая. Одним – мягкая монетарная политика. Другим – жесткая и т.д. Если вогнать всех в Прокрустово ложе, все от этого только пострадают.) Приводился длинный позорный список евроскептиков, которые выставлялись профанами и недоучками.

Насмешка истории, иронизирует американский экономист и публицист, очень показательная

для состояния современной экономической, политологической и социологической мысли объединенной Европы. В это самое время евро начинал трещать по швам. Так совпало. Все присущие ему недостатки вылезли наружу.

Проблема современной Европы - вовсе не Греция. Или страны Средиземноморья. Экономические трудности испытывают сейчас очень многие. Да, Греция переживает времена похуже Великой депрессии. Света в конца туннеля не видно. Его можно будет различить еще очень нескоро. Сторонних наблюдателей пытаются убедить, будто бы в Испании, наконец-то, отлично пошли дела. В стране, где безработица держится на уровне 22% трудоспособного населения, такое вряд ли возможно. Однако это далеко не все. Полоса стагнации настигла и северян, часть тех, кого причисляют к ядру ЕС и еврозоны. Ее дуга протянулась от Северной Атлантики до берегов Балтии. В Финляндии ситуация ничуть не лучше, чем на юге субконтинента[57]. «Большие трудности, - отмечает Пол Кругман, - у Дании и Нидерландов»[58].

Вина за беды, обрушившиеся на ЕС и еврозону, полностью и безоговорочно лежит вовсе не на ультрарадикалах, а на самой респектабельной части истеблишмента. На Берлине. Париже. Брюсселе. Они, зная о ее заведомой надуманности, придумали сказочку о том, будто бы у объединенной Европы должна быть объединенная валюта, а потом сами же в нее и поверили. Замах был впечатляющим. Идея великолепной. Маленькое «но» заключалось в том, что без политического союза и способности быстро принимать верные решения валютный союз в принципе несостоятелен. Он генерирует противоречия. Он накапливает их. Сейчас он в них и уперся.

Однако истинной причиной кризиса стало даже не глубокое противоречие между новой политической конструкцией и потребностями региона, а замалчивание проблем. Отказ элит серьезно обсуждать их. Заговор молчания. Американцам, неангажированным экономистам, евроскептикам элементарно не давали слова, припоминает Нобелевский лауреат. Их не допускали до трибуны. К участию в сколько-нибудь серьезных обсуждениях их просто перестали приглашать. На сомневающих в светлом грандиозном проекте под названием «Евро» навесили ярлык врагов Европы, недругов ЕС, националистов, добивающихся сохранения привилегированного положения американского доллара.

Когда колоссальный финансовый пузырь, до поры до времени скрывавший порочный характер единой валюты, все-таки лопнул, у европейцев была возможность занять в отношении разразившегося кризиса более адекватную и реалистичную позицию. Но они опять-таки уцепились лишь за один из вариантов реагирования на него, отвергнув все остальные. Они принудили проблемные страны, всех тех, у кого возникли сложности с доступом на открытый финансовый рынок, ввести драконовские меры жесткой экономии. Поступая столь волюнтаристским образом, они одновременно наложили табу на критику всех отрицательных сторон предписанного сверху политического курса.

Вот что страшно. Иначе все бы увидели, что, как свидетельствуют десятки аналогичных случаев, подобный курс чреват колоссальным ущербом для национальных экономик. Возлагаемые же на него надежды в значительной степени строятся на песке. При определенных условиях политика жесткой экономии полезна. Она в состоянии дать ожидаемый результат. Но соответствующая той фазе экономического цикла, который

переживают государства. Подкрепленная другими мерами. И, конечно, селективно осуществляемая отдельными странами, а не всеми вместе.

«Даже сейчас поражаешься, - пишет Пол Кругман, - с каким остервенением высшие официальные лица в Европе отвергали тогда предупреждения о том, что сокращение бюджетных расходов и повышение налогов вызовут глубокую рецессию». С каким апломбом и энергией они утверждали, будто бы все будет хорошо. Все наладится. Строгая бюджетная дисциплина вернет доверие. Рынки успокоятся.

Никогда в истории сочетание мер жесткой экономии с жесткой монетарной политикой не срабатывало. Никогда оно не позволяло покончить с долговой зависимостью. Ведь после Первой мировой войны даже такая мощная держава, как тогдашняя Великобритания, пробовала, и у нее ничего не получилось. Спрашивается, как могло получиться у Греции.

Если бы Афины оставались независимыми в валютно-финансовой области, они легко могли бы прибегнуть к проверенному способу девальвации национальной валюты, восстановив с ее помощью утраченную конкурентоспособность, и забыли бы о дефляции. Создавать заново национальную валюту - худший из возможных сценариев. Но если Греция остается в еврозоне, а иного не дано, она сможет выкарабкаться, какую бы помощь новыми займами ей ни предлагали, только если ей простят часть долга. Вот что надо обсуждать. Вот о чем вести переговоры. Однако европейские элиты вновь, по старой порочной привычке, главное замалчивают. Цена, которую народам Европы приходится платить за такое поведение элит, огромна.

Приговор суров, похоже, но вполне справедлив. Врожденные пороки еврозоны и несостоятельность политики жесткой экономии режут глаза. Однако о них позволено рассуждать лишь определенным образом. Западня, в которую ЕС и еврозона загнали себя, не в выборе в пользу не самых верных и оптимальных, пусть и выстраданных решений, а в отсутствии свободы выбора. В ограничении свободы. В дефиците демократии, который Брюсселю никак не удается преодолеть. В гонениях на оппозицию и инакомыслие.

Последствия операции по «покорению» Греции

Острейшие противоречия, вызванные попыткой Афин проявить самостоятельность и политикой ЕС, отдельных государств-членов и международных учреждений в ее отношении, породили целый каскад самых разнообразных последствий. Одних условно со знаком плюс. Других условно со знаком минус. Экспертное сообщество оценивает их, что само собой разумеется, очень по-разному. Определенная часть экспертного сообщества предпочитает рисовать общую картину сугубо в черных или преимущественно темных тонах. Не менее весомая часть обращает внимание в большей степени на позитивные моменты. В зависимости, естественно, от жизненных позиций и политических предпочтений. Остановимся несколько подробнее на тех, которые, как представляется, имеют наибольшее значение. В их числе - усиление раскола внутри ЕС, его разнонаправленная трансформация и запуск нового раунда дискуссий о его реформе.

«Гражданская война слов в Европе»

Она лучше всего описывается в статье под таким названием, принадлежащей перу политического редактора еженедельника «Ди Цайт» Йохана Битнера[59]. По его мнению, высказывания о том, будто бы «греческая трагедия» дала старт своего рода «гражданской войне без применения физического насилия», являются преувеличением. Однако то, что ее следствием стали глубокая поляризация внутри ЕС и формирование двух лагерей, зеркально воспринимающих действительность, бесспорно. Каждый лагерь придерживается своей версии происходящего. Делает это эмоционально. Впадая в крайности. Абсолютно не критично. Обе версии между собой никак не стыкуются. Они очень далеко отстоят друг от друга. Вот к чему они в общих чертах сводятся.

Левые движения Европы винят во всем Германию. Они обвиняют ее в распылении демократии. Им вторят американские либералы. Все они пытаются представить дело таким образом, будто источник всех неприятностей – Берлин. Его самомнение. Забота исключительно о своих собственных интересах. Одержимость следованию правовым предписаниям. После того, как Афины вошли в еврозону, его банки бросились кредитовать греческое население и бизнес. Причем это делалось таким образом, чтобы греки побольше тратили на покупку немецких товаров, немецких авто и оборудования. Германию подобный расклад вполне устраивал. Единая валюта давала ее промышленности продавать больше, чем во времена «тяжелой» марки. Все немецкие товары автоматически становились более конкурентоспособными на рынке ЕС и в особенности еврозоны.

Когда запахло жареным шесть лет назад, и Греция оказалась на грани банкротства, Берлин заботился лишь о спасении своих банков. «Именно они, а не граждане Греции, получили все выгоды от программы ее спасения». Более того, «условия спасения, которые Берлин навязал Афинам», во многом подорвали экономику страны и привели к тому, что четверть трудоспособного населения оказалась без работы.

После того, как греки вышли на референдум для того, чтобы «покончить с подобным безумием», Германия прибегла к прямому шантажу. Она пригрозила Афинам исключением из еврозоны. Взамен на поддержку потребовала осуществления еще более драконовских мер жесткой экономии, отказав в их смягчении. Единственная преследовавшаяся Берлином цель состояла в том, чтобы поставить Грецию и всех южан на колени, а ЕС превратить в Четвертый Рейх, на этот раз экономический.

В реструктуризации и списании суверенных долгов Афинам отказала та самая Германия, которой после окончания Второй мировой войны списали или часть, или даже все долги, дабы она смогла восстановить свою экономику. Вот корень всех бед южан. Вот кому надо противостоять. Вот с кем следует бороться.

Напротив, европейские правые при мощнейшей поддержке т.н. северного блока внутри ЕС валят все на Грецию. Ее обвиняют во всех тяжких. На нее вешают ответственность за все беды единой валюты и еврозоны. Они представляют дело таким образом, будто бы долговой кризис имеет своим источником некомпетентность, маразм и злоупотребления политического класса Греции.

Дескать, греки ввели в заблуждение статистическую службу и руководство ЕС, подделав отчетность, бухгалтерские книги и все, что только можно. Все ради того, чтобы заимствовать под 5%, а не под 18%, как во времена драхмы. Однако с этим еще как-то можно было бы примириться. Ни в какие ворота не идет то, что получаемые дармовые деньги греки израсходовали на потребление, попросту проели, вместо того, чтобы вкладывать в экономику.

К Германии же нельзя предъявлять никаких претензий. Она заморозила зарплаты, осуществила либерализацию рынка труда, заранее предприняла меры жесткой экономии. Вот что сделало ее товары конкурентоспособными.

Когда же Греция стала проваливаться в яму дефолта, именно Германия пришла ей на помощь. С опорой на Германию были собраны займы размером в 120 млрд евро. И это при том, что подобные операции напрямую закреплены первичным и вообще любым законодательством ЕС. Если это не щедрость, то что еще. Плюс к этому внешние инвесторы дали согласие на списание 105 млрд евро.

Внешняя помощь и меры бюджетной консолидации, предпринятые Афинами, начали приносить плоды. Без учета обязательств по обслуживанию долга Греции удалось выбраться на т.н. первичный профицит бюджета. И тут, к всеобщему разочарованию, власть перешла к леворадикальному правительству. Неопытному и безответственному. Оно, а не добропорядочные немцы, попыталось всех шантажировать. Оно стало угрожать остальным развалом еврозоны. Оно подняло население на референдум. Если бы на референдум о том, помогать ли Греции, вышло население других стран ЕС, неизвестно бы, чем все кончилось.

Упрекать немцев в том, что им долги простили, смешивать 1953 и 2014 гг., просто смешно. Сейчас совершенно другие времена. Вступая в еврозону, государства взяли конкретные обязательства, которым они непременно должны следовать. Германию грекам пристало благодарить[\[60\]](#), а не хулить за то, что она и сейчас готова предоставить им основную часть средств из общего пакета помощи в 86 млрд евро. Чтобы обанкротившиеся левые правительства сами себе и другим диктовали условия своего спасения – большой бред трудно себе представить.

Дабы не перебарщивать и избежать опровержений, Йохан Битнер извиняется за несколько упрощенное, прямолинейное и карикатурное изложение «правды», которую отстаивает каждый из лагерей. Напрасно. В действительности можно было бы написать гораздо хлеще. Вспомним про изображения Ангелы Меркель с гитлеровскими усиками на улицах европейских городов и портреты Вольфганга Шойбле с дорисованной на них свастикой[\[61\]](#), а равно сказочки немецкого разлива о врожденной лени и нечистоплотности греков, любви к обману, безделью и чрезмерному потреблению узо, о фаворитизме, nepotизме и взяточничестве как основе греческой системы хозяйствования и т.д.

Соответственно и вывод из приведенного противопоставления двух типов восприятия друг друга должен быть диаметрально другим. Немецкий политолог старается убедить себя и читателей в том, что южане и северяне высказали все, что они думают, все, что у них на душе, и это поможет им строить в будущем доверительные дружеские отношения на более здоровой основе. Особенно если грекам все же спишут часть долга, и одновременно упорядочат процедуру и механизмы выхода из ЕС и еврозоны.

Реалистичнее исходить из того, что взрыв эмоций по поводу «заклания» Греции стал скорее проявлением, нежели первопричиной глубочайшего политического, культурологического, психологического и идейного раскола внутри ЕС, раскола между южанами и северянами, между теми, кто выигрывает, и теми, кто проигрывает от того, как функционируют ЕС и еврозона, наконец, между евроэнтузиастами и евроскептиками, которых становится, похоже, по предельно очевидным причинам, больше и больше.

Прожекты реформ

Эволюция ЕС всегда протекала под влиянием двух разнонаправленных тенденций, центробежной и центростремительной. К передаче институтам ЕС все более существенных наднациональных полномочий или возвращению части из них на национальный уровень. К союзу государств или федерализации. К большему единству или ренационализации отдельных сегментов внешней и внутренней политики ЕС. К повсеместному использованию коммунитарного метода или же выдвиганию на первый план межгосударственного, межправительственного сотрудничества. В зависимости от конъюнктуры верх брала то одна, то другая. Но баланс неизменно складывался в пользу наднационального развития. Из каждого кризиса ЕС выходил несколько иным, по-другому конструируя парадигму отношений между своими институтами и между ними и государствами-членами. Однако как-то так получилось, что на сленге самого ЕС, «Европы становилось больше».

Еврооптимисты и евроэнтузиасты и сейчас надеются на то, что «сражение» за или вокруг Греции стимулирует действие центростремительных сил. Вопреки вердикту о том, что приручение Греции и то, каким образом оно было осуществлено, «нанесло смертельный удар по федералистским мечтам» или, во всяком случае, сильно подмочило их репутацию[62]. События последних месяцев со всей очевидностью выявили болевые точки ЕС. Продемонстрировали, что нужно делать и в какой последовательности. Указали, где в ЕС имеется «узкое горлышко», и сколько их. Расширением их институты ЕС и государства-члены сейчас как раз и занимаются.

После всего того урона, которое «заклание» Греции нанесло европейской идее, доверию к интеграционному проекту, имиджу ЕС, в позитивную динамику верится с трудом. Скептицизм очень сильно подпитывается очевидным нежеланием и неспособностью интеграционного объединения справиться с миграционной проблемой[63]; ростом популизма, экстремизма, радикального национализма, ксенофобии и нетерпимости; медлительностью, с которой в ЕС отходят от ортодоксального прочтения политики жесткой экономии; зашоренности в международных делах[64].

В каком направлении пойдет дальнейшее развитие, покажет время. Как бы то ни было, «греческая драма» дала новый импульс безостановочной полемике по поводу необходимости углубления экономического союза, достройки ЕС общим рынком услуг, прежде всего финансовых, формирования фискального и политического союза. По каждому из этих направлений на самом деле делается не так уж мало. Конкретные меры и предложения в общем виде, но все же, прописаны в десяти приоритетах председателя Европейской Комиссии Жан-Клода Юнкера, многолетней программе ее деятельности, напутствиях, которые она

получила от Европейского Совета. За последние месяцы на суд публики был вынесен целый ряд новых инициатив. Увесистые поленья в продолжающуюся дискуссию подбросили недавно опубликованные доклады.

Так, президент Франции Франсуа Олланд призвал к наделению еврозоны своим собственным независимым правительством, которое бы несло политическую ответственность перед самостоятельным парламентом еврозоны, и к передаче ему необходимых финансовых средств. В поддержку озвученных им идей сразу высказался министр экономики и финансов Италии Пьер Карло Падоан, предложив включить в план реформ программу борьбы с безработицей. Напротив, в Германии они были встречены с показной холодностью и недоумением.

Частично эти же вопросы затрагиваются в докладе «пятерки мудрецов» - докладе пяти председателей институтов ЕС: Европейской Комиссии Жан-Клода Юнкера, ЕЦБ Марио Драги, Европарламента Мартина Шульца, Евросовета Дональда Туска и еврогруппы Йеруна Дейсселблума. Документ свеженький. Он появился в самом начале лета. В нем предлагается наделить еврозону своим собственным министерством финансов и совместным фондом макроэкономической стабилизации, который бы тушил финансовые кризисы. Это не общее правительство, но все же.

Кроме того, «пятерка» рекомендует еврозоне приступить к решению задач конвергенции и подтягивания отстающих путем обмена лучшими практиками в том, что касается повышения конкурентоспособности. По ее мнению, вопросы обеспечения конкурентоспособности, помимо этого, должны регулироваться обязывающими нормами. Другая рекомендация - усилить координацию макроэкономической политики с тем, чтобы «девятнадцать» могли бы принимать решения по национальным бюджетам.

Всех «двадцати восьми» касается высказанное ею пожелание создать на национальном уровне агентства, которые следили бы за повышением конкурентоспособности национальных экономик. В их ведении находились бы, в частности, вопросы либерализации рынка труда, снятия административных препятствий, снижения планки входа на рынок и т.д.

Одновременно в докладе много предложений и другого порядка, касающихся универсализации и завершения строительства общего рынка и создания максимально благоприятных условий для перелива капитала. Среди прочего, «пятерка» ратует за завершение формирования общего рынка в сфере услуг, электронной экономики и энергетики. Особый упор делается ими на обеспечение свободы предоставления финансовых услуг как наиболее эффективное средство противостояния кризисным явлениям на национальном уровне.

Пока реакция на все эти прожекты, скорее, ироничная[65]. В той части, которая касается внесения изменений в учредительные договоры ЕС, создания параллельных структур для ЕС и еврозоны, изобретения новых государственных структур разного рода, она откровенно скептическая[66]. Ведь их, что совершенно очевидно, не протащить через референдумы. Они дадут популистам, крайне правым и крайне левым всех мастей идеальный повод «кричать» о распродаже национального суверенитета, предательстве интересов простых тружеников и т.п.

Но и государствам будет крайне сложно договориться по ним между собой[67]. Внутри ЕС и еврозоны произошел раскол. Одни настаивают на том, что ЕС и так захватил слишком много

полномочий в области контроля над национальными бюджетами и осуществляет их в интересах проведения политики жесткой экономии, а от курса на жесткую экономию давно пора отходить, занявшись более насущными и перспективными вещами. Другие продолжают упираться на то, что без бюджетной дисциплины и продолжения структурных реформ никак не обойтись.

И по поводу институционального строительства на национальном уровне нет единства. Вроде бы, развитие последних лет показало, что стричь всех под одну гребенку бессмысленно и не нужно. Условия повсюду разные. Наоборот, пора отходить от усредненного навязывания всем одинаковых подходов. Единство и эффективность возможны лишь в многообразии.

А вот в отношении снятия барьеров и ограничений вполне можно рассчитывать на твердую поддержку со стороны бизнеса. Именно в этом плане уже отреагировал Совет экономических экспертов при правительстве Германии. Более того, он высказался за то, чтобы банкротство государств-членов было прописано в законодательстве и практике ЕС в качестве одного из возможных и разрешаемых сценариев[68].

Если это будет сделано, ни кредиторы, ни инвесторы, по его мнению, не будут зарываться. Регулированием, предотвращением дефолтов и кризисов, противодействием чрезмерному заимствованию займутся рыночные силы, а не политики и бюрократы. Будет нормально работать по-настоящему общий рынок, охватывающий все ключевые сферы, не понадобится его достраивать ни весьма проблематичным политическим союзом, ни еще чем-то[69].

Что-то в этом отношении ЕС уверенно и планомерно делает. Одно из последних достижений в этом плане – новейшее законодательство, вводящее пруденциальный надзор за своповыми операциями и клиринг купли-продажи деривативов. Согласно подсчетам «Файнэншл Таймс», под него попадает финансовый рынок совершенно циклопических размеров. Его параметры измеряются фантастической цифрой в 700 трлн евро (!)[70].

Переосмысление роли Германии в Европе

Кризис вокруг Греции и то, как шли переговоры вокруг его урегулирования, чем все завершилось, и от кого все зависело, убедительно продемонстрировали всем отнюдь не только то, что безоговорочным лидером объединенной Европы является Германия. Она и только она диктует условия политического и экономического развития региона. Она устанавливает, меняет и трактует общие правила игры. В том направлении, которое она указывает, двигаются все.

Но и то, что «германский вопрос» вновь вернулся в центр европейской политики. Хотя и в совершенно новом трансформированном виде, заставляющем все страны ЕС и внешние державы приспособляться, переосмысливать европейские реалии, менять или подрабатывать свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую тактику и стратегию.

И после Второй мировой войны, подчеркивают аналитики, всем остальным то и дело приходилось ломать голову над тем, что делать с Германией. Как с ней обращаться. Чего от нее ждать. Оставлять ли ее изолированной, зависимой, выплачивающей репарации или помогать

ее экономическому восстановлению, включать в амальгаму военных, политических и экономических союзов. Пытаться оставить Германию, превращающуюся в экономическую сверхдержаву и становой хребет европейского проекта, на роли «политического карлика» или ориентировать ее на военно-политическое доминирование в регионе и лидерство в мировой системе координат. Помогать объединению Германии, препятствовать ему или обставлять какими-то такими условиями, которые помешали бы ей вернуться к проведению гегемонистской, националистической, авантюристической политики.

К началу XXI века показалось, что ответы в значительной степени найдены. Франко-немецкий конфликт, взаимная ненависть, неприязнь и подозрительность остались в прошлом. Экономическая мощь Германии поставлена на службу стабильности и процветания всех народов Европы. Политическое превосходство закреплено за Францией. Объединенная Германия повязана своими обязательствами перед ЕС, растворилась в интеграционном объединении и ради единства континента даже отказалась от самого ценного, что у нее было – от немецкой марки.

Однако единая валюта оказалась ядовитым зельем. Она дала экономике Германии по ряду причин колоссальные преимущества, которыми та не преминула воспользоваться. Вместо того чтобы привязать Берлин к интеграционному объединению, как пишет известный британский публицист Роджер Коэн, она привязала всех к Германии и сделала зависимыми от нее [\[71\]](#).

Греция испытала это на себе сполна. Причем в самом обнаженном и диком виде, который никто даже не пробовал смягчить. Сначала ее превратили в потребителя немецких товаров и безвольного должника. Потом обрекли на такое разделение труда, при котором она лишилась какой-либо самостоятельности. А затем предложили не просто расплачиваться по долгам, а безоговорочно подчиниться внешнему диктату. Уступить свой суверенитет. Вернее, его остатки. Отказаться от своего образа жизни, традиций и предпочтений. Делать все по лекалам, спускаемым сверху приверженцами немецкого орднунга.

Раньше Германии хотя бы был противовес. В ЕС и еврозоне главенствовал франко-германский тандем. Через голову Парижа и без его согласия никто ничего делать не мог. Ни плохого. Ни хорошего. За последние годы Франция растеряла свой вес и влияние. Она превратилась в «больного человека» Европы. Парижу не до того, чтобы тягаться с Берлином. У него не просто нет на это сил. Он даже позволить себе такое не смеет. Он тоже, иначе, но зависим от поддержки и благосклонности своего северного соседа.

В результате Германия оказалась единоличным властителем Олимпа. Арбитром в последней инстанции. Державой, равно которой, даже отдаленно поблизости нет. Но совершенно не знающей, как ей быть с той ролью, которая неожиданно или ожидаемо на нее свалилась. Как распорядиться своим новообретенным статусом вершителя судеб региона. По какому пути идти. В какую сторону двигаться. К чему подталкивать остальных.

Оказалась в положении, которого чуралась все послевоенные годы. Положении, которое вызывает к жизни демонов прошлого. Крайне опасном для выстраивания отношений равенства, солидарности и взаимной ответственности с соседями и партнерами. Воспринимаемом многими в Европе сугубо негативно. Временами яростно. Зачастую, как повсюду в растерзанной Греции, весьма эмоционально.

Но отнюдь не только в бедной Элладе. Негодование по поводу «унижения Афин и греческого народа», когда не чурались никаких эпитетов и характеристик – «государственный переворот извне», «терроризм», «уголовщина», «преступление против человечности», «социальный геноцид», «продажа в рабство», «изнасилование греческой демократии», «удушение» и проч.[72], может служить лакмусовой бумажкой. С зубодробительной критикой и обвинениями в адрес Германии (в гордыне и эгоистичности[73]; грязной игре, выламывании рук и вымогательстве[74] и т.д.) выступили очень многие.

Как в политических кругах стран Средиземноморья, считающих, что немцы зашли слишком далеко со своей одержимостью затягиванием поясов – ведь политику жесткой экономии, хотят они этого или не хотят, приходится проводить всем[75]. Особенно в политических кругах Франции, ревниво относящихся к происходящим в Европе изменениям и находящих их архинегативными[76].

Так и стран единомышленников, образующих вместе с Германией сейчас костяк интеграционного объединения. Здесь считают раскол ЕС на богатый и законопослушный Север и неблагополучный и безалаберный Юг, углубляющийся под ударами кризиса[77], а также все ему способствующее весьма нежелательным.

Для Британии единовластие Германии на материковой части ЕС создает дополнительные трудности. В таком ЕС англичанам становится все менее уютно. То как Германия расправилась с «беззащитной Грецией» и наплевала на мнение лидеров тех стран, которые выступали за поиск компромисса, оставило у Лондона, намекает «Файнэншл Таймс», весьма неприятный осадок[78].

Насколько можно судить, итожит свои размышления по поводу имперских замашек Германии Роджер Коэн, Ангеле Меркель удалось минимизировать политические потери от эпопеи с Грецией. Она не пошла на поводу у тех, кто кричал: «Ату греков! Гнать их поганой метлой из еврозоны!» Вместе с тем, никакой особой гибкости она не проявила. Грекам и иже с ними предпочла преподать показательный урок.

Как и раньше, ничего кроме затягивания поясов и единообразия политический истеблишмент Германии другим не предлагает. Он отказывается понимать, что все разные. Не снисходит до того, чтобы признать необходимость придерживаться неодинаковых подходов к разным странам. Ведь то что хорошо немцам, зачастую калечит других или, если чуть мягче, вызывает у них несварение желудка.

Если так будет продолжаться и дальше, объединенная Европа обязательно развалится. Не может не развалиться. Со всеми вытекающими из этого последствиями[79].

В какой-то степени логика рассуждений мэтра британской журналистики захватывает. С ней интуитивно соглашаешься. И все же я бы предпочел другую интерпретацию «германского вопроса». Его недостаточно ставить в сугубо субъективном ключе. То или иное развитие события принимают не только или не столько по воле отдельных политиков или их товариществ. Главенствующее значение, в конце концов, имеет действие объективных факторов.

ЕС и еврозона устроены таким образом, что мешают более слабым и проблемным странам

воспользоваться своими естественными конкурентными преимуществами. Если ревнители интеграционного проекта хотят, чтобы они выжили, им в обязательном порядке надо менять в функционировании интеграционного объединения многие базовые вещи. Им просто необходимо позаботиться о том, чтобы возникли объективно действующие противовесы концентрации политической и экономической силы и влияния в одних руках. Чтобы игра в одни ворота стала невозможной. Чтобы в ЕС естественным путем возникло несколько полюсов, от которых, а не только от одного, зависело бы принятие решений.

Плачь по невозвратным суверенным долгам

То, что Афины не в состоянии ни обслуживать свой суверенный долг, ни расплатиться по нему на обычных или, иначе, стандартных, нечрезвычайных условиях, теперь, после пережитой драмы лобового столкновения между народом Греции и кредиторами, больше ни у кого не вызывает сомнений. Такова правда жизни, настаивает МВФ. Пока остальные кредиторы не займут более реалистичную позицию, он ссужать деньги на спасение Греции больше не будет. Третий пакет помощи Афинам обязательно должен включать механизм списания части долга или иной вариант его реструктуризации, который бы давал сходный результат, указывают авторитетные независимые экономисты. Иначе в нынешнем катастрофическом положении греческого народа и страны в целом ничего не изменится, уверены журналисты. И беднякам придется лишь подставлять свою широкую спину под непосильно тяжелую ношу, неся которую, им все равно из тупика не выбраться. Единственный возможный выход – «аннулировать часть долга»[\[80\]](#).

Это очевидно даже Берлину, ни на йоту не отошедшему от своей прежней позиции категорического неприятия списания даже малейшей его толики. Как и его «железному» министру финансов Вольфгангу Шойбле, длительное время ратовавшему за временное изгнание Афин из еврозоны и объяснявшему всем, что таковы установленные правила игры, не подлежащие пересмотру или ревизии. Согласно действующему праву ЕС, подчеркивал он, членство в еврозоне не допускает списания. Чтобы на него замахиваться, надо было бы сначала покинуть закрытый клуб стран с общей валютой. Правда, право выхода из еврозоны законодательством ЕС, в отличие от выхода из ЕС, не предусматривается.

Греция, подводится своеобразный итог в хрониках газеты «Фигаро», – «это страна, которая не способна обслуживать накопленный ею долг в 320 млрд евро и расплачиваться по нему. Его размеры настолько велики, что все кредиторы, включая МВФ, Европейский центральный банк и Европейский Союз, ни чуточки не сомневаются в необходимости реструктурировать, заново договориться, термин значения не имеет, по поводу этой горы евро»[\[81\]](#). На этот счет «среди экономистов сложился консенсус», подтверждают сотрудники Французской обсерватории экономической конъюнктуры: рано или поздно кредиторам придется пойти на облегчение долга[\[82\]](#).

Теоретические копы ломаются лишь по поводу того, как, какими методами, с использованием каких механизмов долговое бремя можно было бы ослабить. Вариант снижения процента по обеспечению долга, введения временного моратория на выплаты, переноса сроков погашения на многие годы хорошо известен. Он уже использовался в прошлом. Леворадикальному

правительству Греции с самого начала противостояния кто только не намекал на то, что послабления возможны и в этот раз – отдельные кредиторы, руководство Европейской Комиссии, немецкие переговорщики. Согласись только греки сначала на проведение всех ультимативно требуемых от них реформ.

Его возможностями, указывают авторитетные экономисты, обязательно надо воспользоваться. Тем более, что по просочившейся информации речь может идти о том, чтобы отодвинуть сроки погашения на 60 лет, а по сведениям компании «Блумберг» – на все 65[83]. Афинам он многое дает. Вместе с тем он обладает существенным пороком. Этот порок заключается в ограниченности стандартного варианта. Он ничего не меняет по существу. Ведь удавка на шее Греции остается. Нависший над ней Дамоклов меч никуда не исчезает. Недоверие инвесторов и своего собственного предпринимательского класса к экономике Греции сохраняется. То есть он не дает стране распрячиться. Как и новое издание в ЕС все той же политики жесткой экономии, которую ей придется проводить. Вот где собака зарыта. Вот что требует радикально иного подхода. Вот что надо менять.

По-настоящему действенный выход, объясняет директор исследований, член группы по финансовым рынкам Лондонской школы экономики Чарльз Гудхарт, состоит в конвертации всего или большей части долга в государственные бонды, привязанные к росту ВВП страны. Речь о таких ценных бумагах, процент по которым выплачивается только тогда, когда национальная экономика реально растет, и дивиденды пропорциональны этому росту[84]. Он на порядок человечнее, нежели принудительная деноминация долговых обязательств в ценные бумаги меньшей стоимости, уже однажды примененная в отношении кредиторов Греции[85] и напрочь отвергаемая сейчас Берлином[86].

Аргументы в пользу такого решения. Во-первых, оно в корне трансформирует характер взаимоотношений между кредиторами и Грецией, между ЕС и одним из наиболее проблемных государств-членов. Из душителей Греции они превращаются в ее максимально преданных ревнителей. Кредиторы начинают получать назад деньги, отданные Афинам, только тогда, когда экономика Греции растет. Поэтому они делаются кровно заинтересованы в том, чтобы привлечь инвестиции в экономику страны. В том, чтобы она развивалась. В том, чтобы поскорее расшить узкие места, подтолкнуть и спрос, и предложение.

Благодаря этому акцент с чисто бюджетного показателя первоначального профицита, который достигается, в том числе путем урезания расходов на социалку, госинвестиции и т.д., и мер жесткой экономии переносится на программу роста и содействие ее осуществлению. В том случае, если экономика растет, а это становится заботой не только национального государства, но и кредиторов, о списании долга можно забыть. Более того, наличие долга превращается из чистого проигрыша и головной боли для всех игроков в один из главных факторов подъема.

Во-вторых, удастся уйти от совершенно абсурдной ситуации, когда обслуживание долга выливается в регулярное кровопускание, устраиваемое национальной экономике, вне зависимости от ее состояния, и препятствие на пути экономического роста, отсутствие которого и превращает долг в неподъемное бремя. В случае конвертации в гособлигации с выплатами, зависящими от отсутствия или наличия экономического роста, долг трансформируется в приемлемый для страны циклический фактор. Когда экономика находится в состоянии стагнации, выплаты прекращаются. Когда начинает расти – возобновляются.

Таким образом, здравый ум торжествует: государство не связывают, как сейчас, по рукам и ногам, когда госинвестиции так нужны, чтобы поддержать падающий спрос и заместить выпадающие частные капиталовложения, требуя от него выплат только в тот момент, когда частный сектор вновь чувствует вкус к инвестициям и у правительства появляются возможности для маневра.

В-третьих, нет необходимости изобретать в интересах Греции что-то заведомо неприемлемое для других стран, ставящее ее в особое положение и лишь усиливающее противоречия внутри еврозоны и ЕС в целом. Ведь использование подобной схемы выгодно абсолютно всем, что бы сейчас об этом ни говорили по конъюнктурным соображениям лидеры политических партий отдельных государств-членов, переживших и/или продолжающих сталкиваться с аналогичными вызовами. Она применима, как подчеркивает Чарльз Гудхарт, в одинаковой степени к Ирландии, Кипру или Португалии.

Кроме того, прибегнуть к выпуску «реальных ВВП-бондов», по его мнению, могут кто угодно, включая Италию. Одни – для конвертации долга. Другие – для покрытия текущего дефицита. Но преимущества предлагаемого решения этим не ограничиваются. Специфика нынешнего положения всех стран ЕС, и не только их, заключается в том, что они утопают в долгах. Их набрали все непомерно много. С морем разлитым долгов надо что-то делать. От них необходимо избавляться. Выпуск ценных бумаг описанного типа или конвертация в них – вполне приемлемый вариант. Не исключено, что оптимальный. Во всяком случае – работающий.

По своей сути такие бонды очень похожи на обычные акции. В обоих случаях дивиденды выплачиваются в зависимости от экономических успехов. Сценарий не только приемлемый, но и напрашивающийся под углом зрения очевидного перекоса в функционировании финансовых рынков. Он накапливался все последние годы. С исправлением сложившегося перекоса затягивать больше нельзя. Пора наводить порядок. С тем чтобы соотношение между долговым рынком и рынком акций вновь пришло в норму.

Однако дабы они раскупались, нужно подправить и то, как ведется национальная статистика. И к ней имеется масса претензий. С правительственным контролем за статистическими агентствами необходимо покончить. Повсеместно. Аудит и транспарентность состояния национальных экономик также должны стать нормой. Чтобы потенциальные инвесторы (кредиторы) имели доступ к объективной информации и могли с полной уверенностью оценивать риски. Кстати, в Греции соответствующие меры уже осуществлены. Под внешним давлением правительство пошло на предоставление национальному статистическому агентству независимого статуса.

К аргументам гуру из Лондонской школы экономики хотелось бы добавить еще два соображения. Первое касается нынешних рецептов лечения европейской экономики. Второе – всех стран-должников, в первую очередь развивающихся стран и их передового отряда – быстро растущих экономик.

Уже сколько лет руководство ЕС и ряда благополучных держав региона усиленно внушают всем: наши рецепты правильные. Они приносят плоды. Подождите еще чуть-чуть и вы увидите, насколько они эффективны. Уверенный экономический рост возобновится. Мировая

конкурентоспособность восстановится. Долг начнет снижаться.

Вроде бы, хоть в какой-то мере, клятвенные заверения начинают сбываться. Наступление фазы циклического подъема, дешевая нефть и низкий курс евро потянули экономику ЕС вверх. Искусственное снижение заработной платы, социальных и пенсионных выплат и отчислений сделали ключевые факторы производства намного дешевле и, по всей видимости временно, обусловили большую конкурентоспособность европейских товаров. Экспорт и профициты торговых балансов тоже устремились ввысь.

Но все не так просто. О безработице, потерянном поколении, разрывах в социальной ткани общества сейчас говорить не станем. Это другая беда, обрушившаяся на Европу вследствие топорного и повсеместного осуществления политики жесткой экономии, которую апологеты последней не сумели предвидеть и предупредить. Обратимся к главному, ради чего ЕС решился и заставил всех затянуть пояса настолько, что очень многие стали задыхаться, – снижению суверенного долга, устранению этого страшного тормоза на пути социально-экономического развития региона. Как ехидно подчеркивается на страницах «Файнэншл Таймс», все те, кто думают, что уровень суверенной задолженности снижается, ошибаются. На самом деле он растет – при нынешних почти нулевых процентах, под которые размещаются государственные долговые обязательства, грех было бы этим не воспользоваться[87].

По данным Евростата, усредненная задолженность стран еврозоны к концу первого квартала 2015 г. выросла до 92,2% ВВП. На квартал раньше она составляла 92%. Годом раньше – 91,9%. В Греции этот показатель зашкаливает. Как опасаются не только независимые экономисты, но и МВФ, прямым следствием третьего пакета помощи может стать ее рост до 200%. Но и в других проблемных странах, в числе которых Италия, Бельгия, Кипр и Португалия, он превышает 100%. Чтобы свести концы с концами, такие нерядовые члены ЕС, как Франция, Испания и Италия в 2014 году набрали займов на 4%, 5,8% и 3% ВВП соответственно.

С Францией вообще отдельная история. За первые три месяца 2015 года государственный долг подскочил на кругленькую сумму в 51,6 млрд евро и вплотную подошел к отметке в 2100 млрд, что составляет 97,5% ВВП или по 31 тыс. евро на брата, если поровну поделить между всеми французами[88]. Любопытно, отмечают наблюдатели, что по данному показателю Париж опережает даже Афины (29 тыс. на д/н)[89]. Естественно, дополнительные нетто-заимствования противоречат всем обязательствам, взятым на себя Парижем, и обещаниям, данным другим странам еврозоны и Европейской Комиссии. Президент и правительство, правда, продолжают клясться и божиться, что до конца года ситуация выправится. Они рассчитывают на крупные налоговые поступления и на то, что предпринимаемые меры по либерализации рынка начнут приносить плоды. Однако, чтобы не выйти за рамки бюджетного дефицита в 3,8% ВВП, предписанные властям Франции из Брюсселя, им потребуются более устойчивый рост и отказ от новых заимствований, что далеко не гарантировано. Спрашивается, чем французский долг отличается от греческого, бьют в набат представители французской оппозиции. Да, ничем. Утверждения о том, что Парижу верят, это великая держава, крупная, со значительным населением, не должны никого обманывать. О выплате Францией накопленного ею долга в 2089 млрд евро или даже больше речи не идет[90].

Как мы видим, рецепт, предлагаемый спецами из Лондонской школы экономики, адресован не только узкой группе наиболее проблемных стран ЕС. Он бы подошел и многим другим

европейским государствам, в том числе крупнейшим. При определенных обстоятельствах, похоже, он мог бы получить и вовсе универсальное применение. Это только кажется, что у развивающихся стран ситуация с задолженностью несколько лучше, и ее уровень не такой высокий. На самом деле они, как утверждают самые разнообразные исследовательские центры, данными которых пользуется «Файнэншл Таймс»[\[91\]](#), уже в ближайшее время могут оказаться в крайне деликатном положении. Им придется спасать свои частные компании, которые сильно пострадают из-за планируемого повышения базовой ставки в США. По состоянию на начало 2015 года совокупный корпоративный долг азиатских компаний составил порядка 125% ВВП региона. Значительная часть полученных кредитов деноминирована в долларах. Рост базовой ставки повлечет за собой существенное увеличение расходов на обслуживание набранных долгов как само по себе, так и вследствие неизбежного падения обменных курсов национальных валют. Соответственно самое время подумать о том, как купировать негативное развитие событий и встретить предстоящий виток финансово-экономического кризиса во всеоружии.

Пока поставим на этом точку. К разбору других проблем, высвеченных «капитуляцией» Афин, вернемся через некоторое время, когда станет понятным, каким образом ее «переварили» и сами греки, и различные политические силы внутри ЕС.

*© Марк ЭНТИН, главный редактор,
профессор МГИМО МИД России
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ*

- [\[1\]](#) Jérôme Fenoglio, nouveau directeur du Monde // Le Monde, 2 juillet 2015. – P. 8.
- [\[2\]](#) Gérome Fenoglio. Editorial. La nécessité du journalisme // Le Monde, 4 juillet 2015. – P. 1.
- [\[3\]](#) Julian Assange. Monsieur Hollande, accueillez-moi en France // Le Monde, 4 juillet 2015. – P. 14.
- [\[4\]](#) Об открытом письме в их защиту см. Marie Gutbub, Jacob Applebaum. L'Allemagne se joue de la liberté de la presse // Le Monde, 9-10 Août 2015. – P. 15.
- [\[5\]](#) Alison Smale. Germany abandons treason investigation // International New York Times, August 11, 2015. – P. 5.
- [\[6\]](#) Stefan Wagstyl. German prosecutors scrap treason probe into journalists // Financial Times, August 11, 2015. – P. 4.
- [\[7\]](#) Nicolas Baverez. L'Europe face au Grexit et au Brexit // Le Figaro, 6 juillet 2015. – P. 21.
- [\[8\]](#) Danielle Fonck. L'editorial. Le courage des Grecs // Le Jeudi, 9-15 juillet 2015. – P. 3.
- [\[9\]](#) Jean Portante. La véritable crise de l'Europe // Le Jeudi, 30 juillet-5 août 2015. – P. 16.
- [\[10\]](#) Yanis Varoufakis. My plan to resist the troika's attack on Greek sovereignty // Financial Times, July 29, 2015. – P. 7.
- [\[11\]](#) Adéa Guillot, Marie Charrel. L'étrange plan de Varoufakis pour «sauver» la Grèce // Le Monde, 29 juillet 2015. – P. 5; Alexia Kefalas. Le «plan B» de Varoufakis agite la classe politique et la justice

grecques // Le Figaro, 29 juillet 2015. - P. 21.

[12] Wolfgang Munchau. Grexit remains the likely outcome of this sorry process // Financial Times, July 20, 2015. - P. 9.

[13] Danielle Fonck. L'editorial. Le courage des Grecs // Le Jeudi, 9-15 juillet 2015. - P. 3.

[14] Marie Charrel. L'étonnant calme des négociations. La situation économique catastrophique explique le brusque revirement d'Athènes // Le Monde, 13 août 2015. - P. 12.

[15] Stacy Cowley. Will Greece have barrels when grapes are ready? // International New York Times, July 30, 2015. - P. 14-16.

[16] Marie Charrel. L'étonnant calme des négociations. La situation économique catastrophique explique le brusque revirement d'Athènes // Le Monde, 13 août 2015. - P. 12.

[17] Editorial. Grèce: un sauvetage en bonne voie // Le Monde, 21 août 2015. - P. 1, 13.

[18] Claire Guélaud. Les économistes jugent les exigences des créanciers déraisonnables // Le Monde, Eco&Entreprise, 1 juillet 2015. - P. 4.

[19] Martin Sandbu. Democracy at the heart of fight for Greece // Financial Times, August 10, 2015. - P. 7.

[20] Editorial. A deal that is costly both for Greece and Europe // Financial Times, July 14, 2015. - P. 8.

[21] Paul Krugman. Ending Greece bleeding // International New York Times, July 7, 2015. - P. 7.

[22] Claire Jones. Draghi casts himself as guardian of monetary union // Financial Times, July 17, 2015. - P. 3.

[23] Цитируется по Cécile Ducourtieux, Jean-Pierre Stroobants, Frédéric Lemaître, Adéa Guillot. «Grexit»: personne ne veut porter le chapeau // Le Monde, 1 juillet 2015. - P. 2.

[24] John Kay. Imperial ambitions have pushed Europe to its limits // Financial Times July 15, 2015. - P. 9.

[25] Приводится по Marie Charrel. L'économie du pays est revenue à son niveau d'avant l'euro // Le Monde, Eco&Entreprise, 4 juillet 2015. - P. 3.

[26] Paul Krugman. The lessons of Greece // International New York Times, July 11-12, 2015. - P. 6.

[27] Paul Krugman. Ending Greece bleeding // International New York Times, July 7, 2015. - P. 7.

[28] Сопоставление того, от чего Алексис Ципрас отказывался первоначально, и что он в итоге получил, см. Liz Alderman, Comparing Greece's plan to the demand it rejected // International New York Times, July 11-12, 2015. - P. 10.

[29] Jean-Jacques Mével. Pour rester dans l'euro, la Grèce contrainte d'accepter une étroite tutelle // Le Figaro, 14 juillet 2015. - P. 2-3; Anne Cheyvialle, Cécile Crouzel, Jean-Pierre Robin. Questions sur

un accord qui écarte le Grexit sans garantir la reprise économique // Le Figaro, 14 juillet 2015. - P. 3.

[30] Landon Thomas Jr. A major hole in the Greek debt deal: The I.M.F. // International New York Times, August 17, 2015. - P. 1.

[31] Philip Stephens. Delors had the answer to the Greek question // Financial Times, July 17, 2015. - P. 11.

[32] Mari Charrel. Nécessaire, le plan d'aide à la Grèce ne règle pas tout. Les économistes s'interrogent sur l'efficacité du programme adopté par l'Eurogroupe // Le Monde, Eco&Entreprise, 18 août 2015. - P. 9.

[33] Jack Ewing. I.M.F. report pushes hard for debt relief for Greece // International New York Times, July 15 2015. - P. 14, 16.

[34] Landon Thomas Jr. A major hole in the Greek debt deal: The I.M.F. // International New York Times, August 17, 2015. - P. 1.

[35] Цитируется по Landon Thomas Jr. A major hole in the Greek debt deal: The I.M.F. // International New York Times, August 17, 2015. - P. 1.

[36] Landon Thomas Jr. A major hole in the Greek debt deal: The I.M.F. // International New York Times, August 17, 2015. - P. 1.

[37] Вся подноготная проделанного Фондом разворота детально разбирается в специальном развороте «Файнэншл Таймс» - Shawn Donnan. Lagarde eyes new act in Greek drama // Financial Times, FT big read. IMF, August 14, 2015. - P. 5.

[38] Marie Charrel. Nécessaire, le plan d'aide à la Grèce ne règle pas tout // Le Monde, Eco&Entreprise, 18 août 2015. - P. 9.

[39] Jack Ewing. With help of eurozone, Greeks meet a deadline // International New York Times, August 21, 2015. - P. 14, 17.

[40] Приводится по Cécile Boutelet. La défiance reste entier en Allemagne // Le Monde, Eco&Entreprise, 18 août 2015. - P. 9.

[41] Liz Alderman. Greeks fear bailout plan will upend way of life // International New York Times, July 20, 2015. - P. 1; Liz Alderman. Greeks fear creditors demands will upend their way of life // International New York Times, July 20, 2015. - P. 14.

[42] Jack Ewing, Liz Alderman. Bailouts help creditors, but only add to Greek debt // International New York Times, July 31, 2015. - p. 1; Jack Ewing, Liz Alderman. New bailout set to heighten Greece's problems // International New York Times, July 31, 2015. - p. 17; Jack Ewing. With help of eurozone, Greeks meet a deadline // International New York Times, August 21, 2015. - P. 14, 17.

[43] Audrey Tonnelier. «La passion l'a emporté sur la raison économique» // Le Monde, Eco&Entreprise, 19-20 Juillet 2015. - P. 3.

[44] Marie Charrel. Forte réserves sur la potion imposée à la Grèce. Pour des économistes, les nouvelles mesures d'austérité auront à court terme un effet négatif sur l'activité // Le Monde, Eco&Entreprise, 16 juillet 2015. – P. 3.

[45] Christian Oliver. Athens warned that shipping tax could sink successful sector // Financial Times, July 18-19, 2015. – P. 2.

[46] Цитируется по Marie Charrel. «Le système en place était un cocktail de fraude et de corruption» // Le Monde, Eco&Entreprise, 18 août 2015. – P. 9.

[47] Christian Oliver. Athens warned that shipping tax could sink successful sector // Financial Times, July 18-19, 2015. – P. 2.

[48] Anne Cheyvialle. La Grèce cède ses aéroports à l'Allemagne // Le Figaro, 19 août 2015. – P. 23.

[49] Kerin Hope. Greece faces fresh uncertainty as Tsipras calls snap general election // Financial Times, August 21, 2015. – P. 1; With dispute over bailout, Tsipras calls election in bid to better his hand // International New York Times, August 21, 2015. – P. 3.

[50] Martin Sandbu. The case against «cash for reform»// Financial Times, FT big read. The Eurozone, August 19, 2015. – P. 5.

[51] Ashoka Mody возглавлял миссии МВФ в Германии и Ирландии. В настоящее время является профессором Принстонского университета.

[52] Цитируется по Martin Sandbu. The case against «cash for reform»// Financial Times, FT big read. The Eurozone, August 19, 2015. – P. 5.

[53] Их детальный разбор см. Martin Sandbu. Europe's Orphan: The Future of the Euro and the politics of Debt. – Princeton University Press, September 2015, 336 pp.

[54] Martin Sandbu. The case against «cash for reform»// Financial Times, FT big read. The Eurozone, August 19, 2015. – P. 5.

[55] Hugo Dixon. Measuring what Greece can pay back // International New York Times, August 17, 2015. – P. 18.

[56] О всех нюансах проделанной Фондом эволюции читай Landon Thomas Jr. A glaring omission in the new Greek debt deal: The I.M.F. // International New York Times, August 17, 2015. – P. 14.

[57] Paul Krugman. Europe's many economic disasters // International New York Times, July 4-5, 2015. – P. 6.

[58] Paul Krugman. Europe's impossible dream // International New York Times, July 21, 2015. – P. 7.

[59] Jochen Bittner. Europe civil war of words // International New York Times, August 19, 2015. – P. 8.

[60] В первую очередь канцлера Германии Ангелу Меркель, уверены сторонники данного

лагеря – Guy Sorman. Cessons de conspirer Mme Merkel! // Le Monde, 17 juillet 2015. – P. 11.

[61] Alison Smale. Germans pass bailout with push by Greece critic // International New York Times, August 20, 2015. – P. 1; Alison Smale. German Parliament approves Greek deal // International New York Times, August 20, 2015. – P. 4.

[62] John Thornhill. European federalism is not dead yet // Financial Times, August 4, 2015. – P. 7.

[63] Alastair Macdonald. Scouring Europe in search of a European // International New York Times, August 18, 2015. – P. 18; Migrants: les Européens veulent la fin de Schengen // Le Figaro, 10 juillet 2015. – P. 1.

[64] Paul Taylor. Four threats to an «ever closer union» // International New York Times, July 7, 2015. – P. 20.

[65] Как у известного британского журналиста и политолога Хьюго Диксона – Hugo Dixon. Ever closer union for the eurozone, too? // International New York Times, August 3, 2015. – P. 18.

[66] Jeevan Vasagar, Peter Spiegel. German «wise men» back euro exit as last resort // Financial Times, July 29, 2015. – P. 2.

[67] Hugo Dixon. Ever closer union for the eurozone, too? // International New York Times, August 3, 2015. – P. 18.

[68] Jeevan Vasagar, Peter Spiegel. German «wise men» back euro exit as last resort // Financial Times, July 29, 2015. – P. 2.

[69] Hugo Dixon. Ever closer union for the eurozone, too? // International New York Times, August 3, 2015. – P. 18.

[70] Philip Stafford. Europe to mandate clearing of swaps // Financial Times. August 7, 2015. – P. 22.

[71] Roger Cohen. The German Question redux // International New York Times, July 14, 2015. – P. 9.

[72] Их длинный перечень приводится, в частности, бывшим главным редактором газеты «Монд» Сильви Кауфман, поражающейся взрыву ненависти в отношении Германии, – Sylvie Kauffmann. Pourquoi tant de haine? // Le Monde, 20 juillet 2015. – P. 22.

[73] Melissa Eddy. Berlin says Greece could benefit from exiting euro // International New York Times, July 17, 2015. – P. 1.

[74] Melissa Eddy. Germany sticks to hard line on Greek debt relief // International New York Times, July 17, 2015. – P. 3.

[75] Anne-Sylvaine Chassany, James Politi, Peter Spiegel. Fears over German power as Merkel and Schauble end the good cop, bad cop routine // Financial Times, July 18-19, 2015. – P. 2.

[76] Propos recueillis par Françoise Fressoz. «Il fallait refuser dès 2012 ces politiques d'austérité sans fin». Arnaud Montebourg salue la position française de refus du «Grexit», tout en critiquant le

manque de fermeté de François Hollande vis-à-vis de l'Allemagne // Le Monde, 11 juillet 2015. - P. 9.

[77] Его количественное описание см. Zone euro: la fracture Nord-Sud au grand jour. L'après négociation sur la Grèce a révélé l'ampleur des divisions entre Européens // Le Monde, 14 juillet 2015. - P. 7.

[78] Editorial. A deal that is costly both for Greece and Europe // Financial Times, July 14, 2015. - P. 8.

[79] Roger Cohen. The German Question redux // International New York Times, July 14, 2015. - P. 9.

[80] Maurice Magar. Tragédie // Le Jeudi, 6-12 août 2015. - P. 3.

[81] Jacques-Olivier Martin. Les mirages de la bonne dette // Le Figaro, 6 juillet 2015. - P. 28.

[82] Цитируется по Marie Charrel. Pourquoi la dette grecque n'est pas soutenable // Le Monde, Eco&Entreprise, 1 juillet 2015. - P. 3.

[83] Christophe Garach. Dette grecque; les possible scénarios // Le Monde, Eco&Entreprise, 21 août 2015. - P. 11.

[84] Charles Goodhart. Restructure all or most of Greek debt into real GDP bonds // Financial Time, August 6, 2015. - P. 22.

[85] Joseph Cotterill. History of restructuring shows more than one way to skin a creditor // Financial Times, July 17, 2015. - P. 2.

[86] Christophe Garach. Dette grecque; les possible scénarios // Le Monde, Eco&Entreprise, 21 août 2015. - P. 11.

[87] Elaine Moore, Fernando Guigliano. Eurozone borrowing hits record level as economic recovery remains weak // Financial Times, July 23, 2015. - P. 1.

[88] L'inexorable envolée de la dette publique française // Le Figaro, 1 juillet 2015. - P. 19; Cécile Crouzel, Cyrille Pluyette. La dette publique s'envoie en début d'année // Le Figaro, 1 juillet 2015. - P. 20.

[89] Jacques-Olivier Martin. Les mirages de la bonne dette // Le Figaro, 6 juillet 2015. - P. 28.

[90] Jacques-Olivier Martin. Les mirages de la bonne dette // Le Figaro, 6 juillet 2015. - P. 28.

[91] Henry Sender. Contrasting concerns cast heavy debt clouds over emerging Asia // Financial Times, July 1, 2015. - P. 26